

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Сочиненіе

ВІЛЛІАМА ШЕКСПИРА.

Переводъ съ Англійскаго

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

При Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва.
Января 29-го дня, 1837 года.

Цензоръ Д. Перовицковъ.

ГАМЛЕТЪ.

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ Москов-
скомъ Театрѣ, Января 22 дня, 1837 года, въ бенедикъ актера
П. С. Мочалова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

КЛАВДІЙ, Король Датскій.

ГЕРТРУДА, супруга его.

ГАМЛЕТЪ, сынъ ея, опъ перваго брака съ братомъ
Клавдія.

ПОЛОНИЙ, знашій чиновникъ при Дворѣ.

ЛАЕРТЪ, сынъ его.

ОФЕЛІЯ, дочь его.

ГОРАЦИО, другъ и соученикъ Гамлета.

ВОЛТИМАНДЪ

КОРНЕЛІЙ

РОЗЕНГРАНЦЪ

ГІЛЬДЕНШТЕРНЪ

ОСРИКЪ

МАРЦЕЛЛО

БЕРНАРДО

ФРАНЦИСКО

РЕЙНОЛЬДО, служитель Полонія.

ФОРТИНБРАСЪ, Принцъ Норвежскій.

ТІЙ опца Гамлетова.

Придворные и придворныя, офицеры, солдаты, актеры,
Послы Норвежскіе, могильщики, народъ.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ, сполицѣ Датскаго королев-
ства.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Терраса передъ дворцомъ).

ФРАНЦИСКО на сражѣ, БЕРНАРДО входитъ.

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

Франциско.

Спой! Ошвѣчай мнѣ:

Кто идетъ?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ Король!

Франциско.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Франциско.

Какъ ты пришелъ исправно къ снѣтѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

БЕРНАРДО.

Полночь било — сѣлуй и спашь ложись.

ФРАНЦИСКО.

За то спасибо. Холодъ рѣзкій.

Я нездоровъ.

БЕРНАРДО.

Спокойно-ль все ?

ФРАНЦИСКО.

И мышъ не пробѣжала.

БЕРНАРДО.

Хорошо. Ночь добрая !

Когда увидишь Гораціо , Марцелло ,

Моихъ товарищей, пошлорони ихъ.

(Гораціо и Марцелло).

ФРАНЦИСКО.

Вошъ, кажется, они! Стой! Кто идетъ ?

ГОРАЦИО.

Друзья опечесива.

МАРЦЕЛЛО.

И подданные Короля.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФРАНЦИСКО.

Ну, добра ночь !

МАРЦЕЛЛО.

Послушай-ка, товарищъ !

А кто смѣнилъ себя ?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо.

Добра ночь !

(уходитъ).

МАРЦЕЛЛО.

Эй, другъ Бернардо !

БЕРНАРДО.

Ошвѣчай :

Гораціо ?

ГОРАЦИО.

Я за него.

БЕРНАРДО.

Добро пожаловашъ, Гораціо, Марцелло !

ГОРАЦИО.

Ну, что : являлся-ли оняшь онъ въ эту ночь ?

БЕРНАРДО.

Я невидалъ здѣсь ничего.

МАРЦЕЛЛО.

Гораціо невришишь; говоришь, что все мечта,
Невришишь ничему что говорилъ я
Объ этомъ странномъ привидѣннѣ.
Вошь для чего я пригласилъ его сюда;
Пусть онъ, когда опять мершвецъ придетъ,
Увидишь самъ и говоришь съ нимъ.

ГОРАЦИО.

Вздоръ! непридетъ онъ!

БЕРНАРДО.

Сядемъ, и опять я расскажу,
Чтобы ты понялъ хорошенько, и повѣрилъ,
Что мы небредимъ — видѣли два раза!

ГОРАЦИО.

Пожалуй, сядемъ — Расскажи, Бернардо.

БЕРНАРДО.

Въ послѣднюю изъ эскихъ ночь,
Когда вонъ та звѣзда, что тамъ восходишь,
Споила здѣсь, гдѣ и шеперь, на этой часни неба,
Я и Марцелло — полночь было. . . .

(бьетъ двенадцать часовъ).

МАРЦЕЛЛО.

Тише, посмотри — вошь онъ. . . .

(входитъ Тень).

БЕРНАРДО.

Онъ самъ — Король покойный нашъ!

МАРЦЕЛЛО.

Ты ученый, Гораціо — поговори съ нимъ.

БЕРНАРДО.

Смотри — ну, не похожъ-ли онъ? Вглядиись!

ГОРАЦИО.

Да, я дрожу отъ удивленія и страха!

БЕРНАРДО.

Поговори съ нимъ —

МАРЦЕЛЛО.

Говори, Гораціо!

ГОРАЦИО.

Кто-бъ ни былъ ты, пришлецъ ночей,
Ты, въ гордой, величавой той осанкѣ,
Какою ошлчался нашъ Король покойный,
Ты, приходящій къ намъ — себя я заклинаю — говори!

МАРЦЕЛЛО.

Онъ оскорбился!

БЕРНАРДО.

Онъ уходишь — посмотри!

ГОРАЦІО.

Спой, говори, я заклинаю — спой и говори!

(Тѣнь уходитъ).

МАРЦЕЛЛО.

Онъ ушелъ — онъ не хотѣлъ намъ отвѣчать!

БЕРНАРДО.

Что съ тобой, Гораціо? Дрожишь ты, блѣднѣе —

Что, выдумка-ли привидѣнье, или мечта?

Что скажешь ты?

ГОРАЦІО.

Я неповѣрнѣе-бы разскажу,

Когда-бы въ собственныхъ моихъ глазахъ

Онъ не явился!

МАРЦЕЛЛО.

Но похожъ-ли онъ на Короля?

ГОРАЦІО.

Какъ на себя походишь ты. Онъ такъ былъ грозенъ,

Когда въ доспѣхѣхъ браниномъ, въ бинтѣхъ, межъ врагами,

Водилъ къ побѣдѣ, царства покорялъ —

Непоспѣжимо!

МАРЦЕЛЛО.

Вотъ уже вторично,

Съ такимъ-же грознымъ видомъ онъ являлся намъ.

ГОРАЦІО.

Что это значить — я непоспѣгаю —

Но — горе предвѣщаетъ намъ мершпецъ!

МАРЦЕЛЛО.

Да, не войну-ли предвѣщаетъ онъ?

Скажи: къ чему вездѣ разсѣялены полки,

И пушки льютъ, готовятся запасы,

И корабли посѣбно создаютъ,

И день и ночь вездѣ работа?

ГОРАЦІО.

Слышно,

Что нашъ Король покойный — тѣнь его

Мы видѣли теперь — вы знаете должны

Всѣ обстоятельства войны послѣдней,

Когда на гордый вызовъ Форшинбраса,

Норвежскаго властителя, отвѣтомъ

Былъ громъ оружія, и Форшинбрасъ

Палъ въ битвѣ. Предварительнымъ условьемъ было,

Что побѣдитель завладѣетъ царствомъ

Того, кто будетъ побѣжденъ, и нашъ Король

Послѣ побѣды взялъ Норвегію себѣ.

Теперь, какъ будто смертию Короля

На подвиги и битвы ободренный,

Сынъ Форшинбраса, юный Принцъ Норвежскій,

Толпу собралъ отважныхъ удалцовъ
И намъ грозить опущенъ и войною.
Вошь, говоря, причина, почему
Нашъ пылкій Король готовилъ войско
И поспѣшаетъ заготовить корабли.

БЕРНАРДО.

Вошь это, вѣроятно, и причина,
За чѣмъ изъ гроба грозный всталъ воинъ:
Онъ предвѣщаетъ битвы и войну.

ГОРАЦІО.

Но за чѣмъ тревожить насъ явленьемъ?
Когда во славу былъ великій Римъ
И Цезарю готовилась кончина,
Ужасныя видѣнья возмущали міръ —
По городамъ бродили мершвецы,
Комешы съ пламеннымъ хвостомъ являлись,
Кровавый капалъ дождь, и шмгло съ солнце,
И звѣзды падали съ небесъ. Уже-ли
И въ наши дни подобныя явленья
Насъ возмущать, и, бѣдствія предвѣщая,
Кровавыми дѣлами опшзовушя?

(Тѣнь входитъ и идетъ медленно).

Онъ снова! Онъ идетъ! Пусть уничтожитъ
Онъ меня — я смѣло стану, я спрошу его!

Стой, привидѣнье! Если ты имѣешь голосъ,
Когда ты можешь говорить, то говори —
Скажи:

Иль спсраждающей душѣ твоей поможетъ
Благое дѣло — я готовъ исполнить.
Скажи:

Иль вѣдаешь опшизны гибель,
И упредить ее стремишься — говори,
О, говори!

И если ты сокровища зарылъ,
И бродишь спсражемъ ихъ, пока отважный
Не сыщется и не опроестъ ихъ —
Скажи, скажи мнѣ, опшвѣчай!

Марцелло!

Загороди ему дорогу!

МАРЦЕЛЛО.

Стой!

ГОРАЦІО.

Коли его, когда онъ опшвѣчаетъ нехочетъ!

БЕРНАРДО.

Стой, стой!

ГОРАЦІО.

Сюда, сюда!

МАРЦЕЛЛО.

Ушелъ!

(Голосъ уходитъ).

Мы оскорбили царственную пѣнь;
Его величественный прахъ смутился!
И что могли мы сдѣлать — невредимъ
Отъ нашихъ копьевъ и мечей онъ былъ!

ГОРАЦІО.

Да, оскорбили мы его безумствомъ!
Но, вошь ужъ вѣшь упренней прохладой
И небо заагло на восхождѣ —
Друзья! на смѣну къ намъ идущъ.
Сюда, и посовѣтуемъ о томъ: не должно-ль
Намъ все сказать Гамлету? Можемъ быть,
Онъ съ сыномъ спанетъ говорить,
Ему откроетъ тайну появленья?
А между тѣмъ — хранимъ тайну.
Пусть сокровеннымъ между нами будетъ
Явленіе царственной мершвеца.

МАРЦЕЛЛО.

Согласны.

Мы тайну сохранимъ, но скажемъ
Объ ней Гамлету — пусть разсудитъ онъ,
Что дѣлать и что думать должно намъ.
Немедленно — я знаю гдѣ его найдемъ,
И разскажемъ о томъ, что насъ тревожитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала въ Королевскомъ дворцѣ).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНИЙ,
ЛАЕРТЬ, ВОЛТИМАНДЪ, КОРНЕЛИЙ, ПРИ-
ДВОРНЫЕ.

Король.

Сколь намъ ни драгоценна память брата,
Похищеннаго смертию, и пріятно-бы было
Предаться скорби объ его потерѣ,
Но благо общее и мудрость ваша
Заставили насъ поступать иначе,
И скорбь и радость вмѣстѣ съединили.
Единымъ окомъ проливая слезы,
Другой къ веселью обратили мы?
Обрядъ печальный похоронъ едва свершился,
Какъ мы торжествовали новымъ бракомъ
Съ женою брата, вашей Королевой,
Возлюбленной теперь супругой нашей,
И съ нею раздѣляемъ нашу власть
Надъ Датскою великою землею.

Вашъ мудрый мы исполнили совѣтъ —
 Примите благодарность нашу и пріѣхать.
 Къ другому обратимся мы предмену.
 Извѣстно вамъ, что смѣлый Форшинбрасъ,
 Неуважая силы нашей, можетъ быть,
 Помысливъ, что кончина брата, Короля,
 Даетъ ему права быть дерзкимъ,
 Прислалъ посольство къ намъ, и смѣетъ
 Обратило требовашъ ошца наслѣдство,
 Пріобрѣщенное войны закономъ. Мы
 Собрали васъ и предлагаемъ вамъ,
 Чтобъ объявишь рѣшеніе наше:
 Писали мы къ Норвежскому владыкѣ,
 Младаго Форшинбраса дядѣ, Королю,
 И требовали, чтобы его велѣньемъ былъ
 Прекращены всѣ замысли вражды
 И всѣ приготоуленья Форшинбраса.
 Васъ избираемъ мы, Корнелій, Волтимандъ:
 Идите къ спарому Норвежскому владыкѣ,
 Пріѣхшество ему опъ насъ, и если мы
 Вамъ недаемъ довѣренности нашей
 Окончивъ дѣло, шѣмъ неменьше будемъ
 Надѣяться на мудрость вашу въ дѣлѣ.
 Идите, и поспѣшностью своей
 Намъ докажише вѣрность вашу.

Корнелій.

Смѣемъ

Увѣрить васъ, что долъ исполнить мы
 Приложимъ все спаранье.

Король.

Вѣримъ,

Идите, и сердечное желаніе успѣха
 Сопровождаешъ васъ въ пуши и въ дѣлѣ.

(Корнелій и Волтимандъ уходятъ).

Къ себѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаертъ.
 Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ.
 Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ
 Исполнить, доказать тебѣ желая,
 Что шакъ, какъ голова послушна сердцу,
 И какъ рука служишь готова рпу,
 Гошовой мы исполнишь всѣ желанья
 Половѣева сына, друга и слуги
 Намъ вѣрнаго.

Лаертъ.

Позвольте, Государь,

Ошправиться во Францію мнѣ снова;
 Я поспѣшилъ сюда, желая доказатьъ
 Усердіе при вашемъ торжествѣ
 Восшествія на ошческій престолъ;
 Теперь опять шуда спремлюсь желаньемъ.

Король.

Но позволяешь-ли Полоній, твой родитель?

Полоній.

Онъ надобѣнъ мнѣ, Государь, и я охотно

Печать къ его прошенью приложилъ,

То есть, позволялъ; но безъ вашей воли

Ему неѣхашь.

Король.

Если только воля

Моя потребна — я охотно позволяю:

Когда тебѣ угодно, можешь ѣхать,

Лаершъ. — Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,

Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!

Гамлетъ (въ сторону).

Немного больше брата, меньше сына —

Король.

За чѣмъ такія облака печали на лицѣ?

Гамлетъ.

Такъ близко къ солнцу радости — могу-ли

Одѣть себя печали облаками, Государь!

Королева.

Оставь печаль, нашъ добрый Гамлетъ; обрати

Взоръ дружескій на Короля; за чѣмъ

Ты взоры пошупляешь въ землю, будно ищешь

Во прахъ твоего покойнаго отца!

Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирашь.

Гамлетъ.

Да, Королева, всѣмъ живущимъ умирашь —

Таковъ нашъ жребій.

Королева.

Если такъ,

За чѣмъ-же смерть отца тебя печалишь,

Какъ будно тѣмъ законъ природы измѣнить?

Такъ кажешься, смотри на грусть твою.

Гамлетъ.

Не кажешься, но точно такъ я мыслю.

Ни черная одежда и ни вздохъ,

Ни слезы и ни грусть, ни скорбь,

Ни что не выразишь души смященной чувствъ,

Какими горестно терзаюсь я — простите!

Король.

Мы видимъ доброе въ твоей печали, Гамлетъ,

И нѣжное въ любви сыновней сердце;

Но время есть всему — печаль время,

И безразсудство, грѣхъ великій даже,

Противъ судьбы ропшанье, непокорство,

Хула противъ природы вѣчнаго закона,
 Когда печаль мы продолжимъ, и будемъ
 Вѣкъ плакать объ умершихъ. Опложи
 Печаль свою. Во мнѣ ошца ты видишь,
 Наслѣдникъ нашъ и нѣжный сынъ. Увѣрься,
 Что мы любовью замѣнимъ тебѣ потерю.
 Но на желаніе ошѣзда въ чуждый край,
 Для продолженія наукъ, мы несогласны;
 Останься съ нами, будь утѣхой намъ,
 Нашъ добрый братъ и сынъ нашъ добрый, Гамлетъ!

КОРОЛЕВА.

Нешщетны будутъ просьбы мащери, надѣюсь,
 Ты согласишься здѣсь ошашься, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Во-всемъ повиновашься вамъ — мой долгъ.

КОРОЛЬ.

Такой ошѣвить мнѣ сердце веселить.
 Будь равенъ намъ, развеселись, утѣшься!
 Согласье Гамлета ошашься съ нами
 Наполнило мнѣ радостью всѣ чувства,
 И я хочу, чтобы въ веселіи сердца,
 При пирѣ нынѣшнемъ, задравный кубокъ
 Пальбою пушечной сопровождаемъ былъ
 За каждое здорвье. Громко будешь

Возвѣщена утѣха наша свѣту,
 И громъ земли подѣ небесами грядетъ!
 Пойдемше, Королева!

(Всѣ уходятъ).

ГАМЛЕТЪ (одио).

Для чего

Ты нерасшаешь, ты нераспадешься прахомъ —
 О для чего ты крѣпко, тѣло челоука!
 И если-бы Всесильный намъ незапрещалъ
 Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
 Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
 Дѣянья челоука на землѣ!
 Жизнь! что ты? Садъ, заглохшій
 Подѣ дикими, безплодными правами...
 Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,
 Его, властителя, героя — полубога
 Предѣ эшимъ — повелителемъ ничтожными,
 Предѣ эшимъ мужемъ мащери моей —
 Его, любившаго ее любовью
 Столь пламенною — небо и земля!
 Могу-ль забыть?... Она, столь страстная супруга...
 Одио лишь мѣсяцъ — я несмѣю мыслить...
 О, женщины! ничтожество вамъ имя!
 Какъ? Мѣсяцъ.... Башмаковъ она еще неизносила,
 Въ кошорыхъ шла за гробомъ мужа,

Какъ бѣдная вдова, въ слезахъ.... и вопль — она.
 Она.... О, Боже! звѣрь безъ разума и чувства
 Грустнѣлъ-бы болѣе — она супруга дяди,
 Который такъ походилъ на отца,
 Великаго Гамлета, Короля, какъ я на Геркулеса —
 И мѣсяць только! Слезъ ея коварныхъ
 Слѣды не высохли — она жена другого!
 Проклятая поспѣшность! Провидѣнье
 Такого брака не могло благословить —
 Бышь худа, бышь бѣда.... Но, сокрушайся сердце,
 Когда языкъ мой говоришь несмѣшгь!

ГОРАЦІО, БЕРНАРДО, МАРЦЕЛЛО.

ГОРАЦІО.

Привѣтъ нашъ Принцу!

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть, господа.

Но, что это? Не ошибаюсь-ли? Гораціо?

ГОРАЦІО.

Я самъ.
 Къ услугамъ вашимъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Къ чему тушь Принца!
 Добрый другъ — вопль ими общее шебъ и мѣ.
 Но что-жь — за чѣмъ вы здѣсь, Гораціо, Марцелло?

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ....

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть — этому повѣрьте;
 Но за чѣмъ вы бросили ученье, говорите?

ГОРАЦІО.

Онь тѣлоши, мой добрый Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Неправда —

Этого и врагъ твой о шебъ не скажешь:

Я знаю, ты тѣлишься не охотникъ, Гораціо.

Нѣтъ! что нибудь другое васъ влекло сюда....

Или вы пьянствовашъ хошите научиться здѣсь —

Пожалуй! мы научимъ васъ — и скоро.

ГОРАЦІО.

Принцъ! я хотѣлъ ошдашь послѣдній долгъ: пріѣхалъ
 На погребенье вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Несмѣйся

Надо мной, шоварищъ — говори: спѣшишь прѣѣхашь
На свадьбу вашей машерн.

ГОРАЦІО.

Да, правда, Принцъ,

Одно послѣ другаго незамедляю.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ что-жь?

Хозяйственное здѣсь распоряженіе было :

Опѣ похоронѣ осталось много блюдъ ,

Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили съѣсть....

О еслибъ въ адѣ велѣли мнѣ идти ,

Къ врагу лютейшему — легче-бы мнѣ было ,

Чѣмъ видѣть эшопѣ день проклятый!... Другъ!

Мнѣ кажется, еще опѣ я вижу....

ГОРАЦІО.

Гдѣ,

Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Гораціо!

ГОРАЦІО.

Я зналъ

Его, видалъ — Король великій былъ онъ.

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ онъ былъ.... изъ всѣхъ людей,

Мнѣ невидать уже такого человѣка!

ГОРАЦІО.

Мнѣ кажется его я видѣлъ въ эшу ночь.

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ? Кого?

ГОРАЦІО.

Мой Принцъ!

Я видѣлъ Короля, родителя Гамлетова.

ГАМЛЕТЪ.

Опѣ моего видѣлъ?

ГОРАЦІО.

Нешерпѣные

Ушишьте, Принцъ, и чудо расскажу я вамъ ,

И вопѣ они свидѣтелями будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

О ради Бога, говори.

ГОРАЦІО.

Вопѣ, по двѣ ночи,

Бернардо и Марцеллъ, на спражѣ споя ,

Въ заѣшный часъ полуночи, видали: кто-то,
 На вашего родншеля похожій, съ ногъ до головы
 Вооруженный, по три раза каждой ночью,
 Торжественно и тихо, величавый,
 На разстояніи копья, недалеше,
 Шелъ мимо ихъ. Они, въ испугѣ,
 Облинные холоднымъ пошомъ, рѣчь
 Начашъ несмѣли, трепеща ошъ спрахъ.
 Они ошкрыли шайну мѣъ, и въ шрешыю ночь
 Я съ ними былъ на спражѣ. Въ часъ заѣшный,
 И въ шомъ-же видѣ, какъ являлось прежде,
 Явилось привидѣнье — я его узналъ —
 То былъ родншель вашъ, и сходшво
 Разнштельное было между нимъ и шѣною.

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ эшо было?

МАРЦЕЛЛО.

На шеррашѣ, гдѣ мы спражу держимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ съ вами говорилъ?

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, Принцъ, ни слова.

Я рѣчь къ нему осмѣлился начашъ,
 И онъ хощѣлъ какъ будшо говорншь,

Но ушра часъ мгновенно наступилъ,
 И смущное изчезло привидѣнье.

ГАМЛЕТЪ.

Спрашно.

ГОРАЦИО.

Но въ вѣрности рассказа я ручаюсь,
 И долгомъ мы поставили донесшъ
 Вамъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю, благодарю, друзья,
 Но я встревоженъ вѣсью вашей... Нынѣ
 Вы будеше-ль на спражѣ?

В с ѣ.

Будемъ, Принцъ,

ГАМЛЕТЪ.

Вооруженные?

В с ѣ.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вполнѣ?

В с ѣ.

Ошъ головы до ногъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но видно-ль было

Вамъ привидѣнія лицо?

ГОРАЦІО.

Наличникъ шлема

Былъ поднятъ, и мы видѣли его.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ угрюмъ?

ГОРАЦІО.

Печалень больше, а негнѣвнень.

ГАМЛЕТЪ.

И блѣдень?

ГОРАЦІО.

Спрашно блѣдень!

ГАМЛЕТЪ.

Приспально-ль сморѣлъ

На васъ онъ?

ГОРАЦІО.

Очень приспально.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ

Я не былъ съ вами!

ГОРАЦІО.

Вы-бъ изумились, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Да, да — но долго-ль былъ онъ съ вами?

ГОРАЦІО.

Врядъ-ли сошню

Успѣешь насчиташъ, считая шихо.

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Дольше!

ГОРАЦІО.

По крайней мѣрѣ, въ эшошь разъ,

Когда я былъ — недольше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ эшу ночь

На стражѣ съ вами самъ я спану. Можешь бышь,

Онъ вновь придетъ....

ГОРАЦІО.

Повѣрьше, Принцъ, придетъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если я увижу образъ

Почтенный, родимелъ, мнѣ драгоцѣнный видъ,

Я стану говорить съ нимъ — хоть-бы адъ,
 Разверзнувъ челюсти, мнѣ воспрецалъ! Прощу васъ,
 Когда вы скрываетъ тайну привидѣнья,
 Хранишь ее, хранишь свое молчанье,
 И что-бы ни случилось въ эту ночь—
 Все видѣшь — языку невѣришь ничего.
 Любовь моя васъ наградишь. Просише.
 Мы тамъ, на мѣсѣхъ, свидимся опять,
 Между двѣнадцати часовъ и полуночи,
 Мы свидимся.

В с ѣ.

Почтенъе наше, Принцъ!

Гамлетъ.

И дружба вамъ моя. Прощайте!

(Они уходятъ).

Тѣнь моего отца — въ оружіи — Бѣдами
 Грозитъ она — открышиемъ злодѣйства....
 О если-бы поскорѣе ночь настала!
 До тѣхъ поръ — спи, моя душа!
 Злодѣйство встанешь на бѣду себѣ,
 И если ты его землею закроешь цѣлой,
 Оно стряхнешь ее и явишься на свѣтъ!

(уходяща).

сц. 3. ЛАЕРТЪ и ОФЕЛІЯ (входятъ).

ЛАЕРТЪ.

Ужъ все мое на кораблѣ. — Прощай,
 Сестра! попутный вѣсъ вѣтеръ,
 И путь мой будетъ недалеко. Смотри-же,
 Не полѣнись писать мнѣ!

ОФЕЛІЯ.

Буду.

ЛАЕРТЪ.

А о Гамлетѣ и его любви

Забудь. Повѣрь, что это все мечта,
 Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
 Который пропадетъ, какъ тѣнь,
 Неболе.

ОФЕЛІЯ.

Неболе?

ЛАЕРТЪ.

Повѣрь-же брату.

Неспору, что Гамлетъ, быть можетъ,
 Одушевленъ къ тебѣ любовью чистой;
 Но онъ невластенъ въ жребіи своемъ,
 Онъ долженъ жертвовать собой опичизнѣ

И ты ему подругой бышь неможешь.
 Подумай: что-жь тебѣ въ его любовной пѣснѣ,
 Въ мечтѣ опасной? Если чувствую сердца
 Ты дашь замѣнить Принцу, кто порука,
 Что онъ неувлечетъ тебя въ погибель?
 Свѣтъ шакъ безмысленъ, люди шакъ коварны . . .
 И если клевета найдетъ причину,
 Заословіе тебя погубитъ. Вѣрь,
 Что опасеніе лучшая преграда
 Отъ пылкой спрасни и злорѣчья свѣта.

ОФЕЛІЯ.

Совѣтъ хорошъ, я вѣрю, но, любезный братъ,
 Скажи: ты непоходишь-ли на тѣхъ,
 Кто любитъ путь указывать къ добру,
 А самъ идетъ дорогою окольной?

ЛАЕРТЬ.

Нѣтъ! вѣрь усердью брата и его любви!
 Но вошь идешь отецъ нашъ. Мой родитель,
 Мы съ вами ужъ простились, но случайно
 Опять встрѣчаемся.

ПОЛОНІЙ.

Да, что-жь ты медлишь,
 Способный вѣсть вѣшеръ — добрый путь!
 Ну, ксташи, я тебя еще благословлю,

И вновь тебѣ благіе дамъ совѣты,
 Запечатлѣй ихъ въ памяти, Лаерть:
 « Не все то говори, что знаешь;
 Подумай прежде, а потомъ исполни;
 Будь ласковъ, но дружись подумавъ;
 Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
 Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ;
 Нессорься, а поссорившись, будь швердъ;
 Все слушай, да не все болай, что слышишь;
 Всѣхъ мнѣнія узнавъ спарайся,
 Но самъ соображай, что думать должно;
 Небудь скупцомъ, но немошай безъ шолку;
 По плашью насъ встрѣчають, попому
 Въ одеждѣ непоказывайся скрагой,
 Но роскоши осерегайся шакже;
 Самъ непроси въ займы и недавай другимъ:
 Ссудинь, заняшь — повѣрь, шю и другое
 Ведешь къ разрыву дружбы. Вошь
 Что я хотѣлъ тебѣ сказать. Довольно!
 Ну, Богъ тебя благослови, мой сынъ!

ЛАЕРТЬ.

Простите, мой почтеннѣйшій родитель!

ПОЛОНІЙ.

Тебя вѣдь ждутъ — что медлишь? Съ Богомъ!

ЛАЕРТЬ.

Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ.

ОФЕЛІЯ.

Я заперла его на сердцѣ — ключъ

Возьми съ собой, Лаерть.

ЛАЕРТЬ.

Простите.

(уходитъ).

ПОЛОНІЙ.

Какой совѣтъ, Офелія? Чшо это значить?

ОФЕЛІЯ.

О Принцъ Гамлетъ онъ говорилъ.

ПОЛОНІЙ.

Да, кстапи!

Вошь слышалъ я, чшо будшо Гамлетъ

Съ тобою ласковъ, и чшо будшо ты сама

Съ нимъ чшо-шо ласкова? Послушай:

Когда все это правда — знаешь —

Я, какъ ошецъ и честный человекъ,

Скажу тебѣ.... Признайся откровенно,

Чтѣ поводъ подаешь къ шакимъ рѣчамъ?

ОФЕЛІЯ.

Незнаю, мой родишель. Принцъ

Мнѣ говорилъ, чшо онъ.... чшо онъ....

Ко мнѣ пишашъ чувство уваженья....

ПОЛОНІЙ.

Ужъ эти уваженья мнѣ.... И ты могла,

Какъ глупая дѣвчонка, вѣршь вздорамъ?

ОФЕЛІЯ.

Чшо думаю мнѣ — сама незнаю я.

ПОЛОНІЙ.

Такъ я тебѣ скажу, чшо ты глупа

И за наличную берешь монету

Слова пусшы. Уваженье! Можешь быть,

Ты уменьшаешь смыслъ.... Пожалуй —

Онъ скажетъ, чшо влюбленъ, чшо любишь,

Чшо обожаетъ, чшо неможешь жить!

ОФЕЛІЯ.

Онъ о любви мнѣ говорилъ, но шакъ

Быль пѣжень, шакъ почшишелень и робокъ....

ПОЛОНІЙ.

Такъ чшо-жъ еще? Да какъ-же говоришь?

Поди — ты безшолоковая дѣвчонка!

ОФЕЛІЯ.

Онъ клялся мнѣ въ любви своей!

ПОЛОНІЙ.

Вошь-на!

Ну, Гамлетъ ловко ловишь дичь!

Положимъ, если онъ и щочно любитъ,
 И спрашью увлеченъ къ тебѣ, мой другъ,
 Такъ это просто — свѣишь, да не грѣишь;
 И не огонь, а молнія, и только.
 Впередъ спарайся съ нимъ неговорить,
 А особливо о любви, и попохоньку.
 Принцъ молодъ, и ему, какъ Принцу,
 Простительно— тебѣ никакъ, Офелія!
 И коротко, да ясно: ничему не вѣрь.
 Знай: эшошъ молодой народъ обманщикъ,
 Прикинется такимъ, что будно чудо....
 А въ самомъ дѣлѣ... Ты не понимаешь,
 Но я тебѣ однажды навсегда,
 Ни говоришь самой, ни слушаешь рѣчи Принца
 Объ эшакихъ вещахъ не позволяю — слышишь?
 Прошу припомнишь и не забывать.

Офелія.

Всегда

Повиноваться вамъ мой первый долгъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

(Декорація перваго явленія).

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО, МАРЦЕЛЛО.

Гамлетъ.

Какъ холодно! Какой-жѣ рѣзкій вѣтеръ!

Гораціо.

Да, холодно и вѣтеръ пронзительный.

Гамлетъ.

А часъ который?

Гораціо.

Полночь скоро.

Марцелло.

Полночь было.

Гораціо.

А, такъ скоро часъ настанетъ,

Когда мершвецъ сюда приходитъ.

(отдаленные звуки трубы).

Что это такое?

Гамлетъ.

Что? Веселый пиръ

Великаго власнишеля, и каждый разъ,

Какъ онъ спскаетъ вина подносишь ко ршю,

Звукъ трубный возвышаетъ свѣшу подвигъ
Героя-Короля.

ГОРАЦІО.

Таковъ обычай.

ГАМЛЕТЪ.

И неспору,

Да за чѣмъ некинушь намъ такой дурной обычай?

Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ.

Пусть онъ ошибка, пусть привычка будешь,

За чѣмъ безславить намъ себя,

И малое пышно не постарайся смыть,

Чтобы оно намъ чести негубило?

ГОРАЦІО.

Смотрите, Принцъ — вотъ онъ идетъ!

(*входитъ Тень*).

ГАМЛЕТЪ.

О защитите насъ, святыя духи неба!

Тыя праведная, или мерзвецъ проклятый,

Несешь-ли ты намъ счастье, или гибель,

Дыханье неба, или адскій смрадъ!

Ты намъ предсказалъ въ такомъ великомъ видѣ —

Я долженъ говорить тебѣ — ошѣшствуя,

Гамлетъ, мой Король, отецъ мой!

Недай погибнуть мнѣ въ незнаніи — скажи,

За чѣмъ швыр воздвигались кости изъ гробницы?

За чѣмъ ты разорвалъ гробовый саванъ?

Ты, трупъ безъ жизни, вновь въ спальной бронѣ,

Здѣсь бродишь въ мѣсячномъ сіяніи,

Спращаешь насъ, безумцевъ, и тревожишь

Такими мыслями, что бѣдный разумъ

Невольникомъ становился безумства!

За чѣмъ ты здѣсь? Скажи, что дѣлалъ намъ?

ГОРАЦІО.

Принцъ! онъ васъ манишь, онъ васъ зоветъ,

Какъ будто шайну хочешь вамъ открыть

Насдинѣ. . . .

МАРЦЕЛЛО.

Смотри, какъ дружески и тихо

Онъ васъ зоветъ съ собой — но, ради Бога!

Принцъ! неходите!

ГОРАЦІО.

Неходите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь неговорить и я иду за нимъ!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего боишься?

Мнѣ жизнь моя ничтожна, а душѣ,

Что сдѣлать можешь онъ, душѣ безсмертной?

Смотришь — онъ зоветъ — иду, иду!

ГОРАЦІО.

А если онъ васъ заведетъ въ пучину моря,

Иль на скалу, что тамъ спонитъ

На берегу морскомъ, склоняся на волны,

И въ страшномъ видѣ тамъ предстанетъ онъ,

И разумъ вашъ безумствомъ замѣнитъ?

Ужасенъ видъ одинъ реющихъ волнъ

Подъ дикою скалою утеса....

ГАМЛЕТЪ.

Слова манишь онъ — иди, я слѣдую!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не пойдете, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь онъ меня!

ГОРАЦІО.

Опомнись!

ГАМЛЕТЪ.

Судьба зоветъ меня,

И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость

Могучихъ львиныхъ силъ — онъ вновь зоветъ!

Прочь онъ меня, прочь — я клянусь вамъ небомъ,

Что будешь мершвецомъ, кто смѣетъ

Остановить меня — клянусь — иди, я слѣдую!

(онъ идетъ за Тѣнью).

ГОРАЦІО.

Онъ помѣшался, обезумѣлъ онъ!

МАРЦЕЛЛО.

Пойдемъ за нимъ — намъ долгъ великъ идти!

ГОРАЦІО.

Пойдемъ! Но что послѣдуешь за тѣмъ!

МАРЦЕЛЛО.

Я бѣдствія опечестива предвижу!

ГОРАЦІО.

Да сохранишь насъ небо!

МАРЦЕЛЛО.

Поспѣшимъ!

(они уходятъ).

ТѢНЬ. ГАМЛЕТЪ слѣдуетъ за нею.

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь ты? Говори! Я далѣе неиду!

ТѢНЬ.

Внимай мнѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Говори!

ТѢНЬ.

Ужь скоро часъ ударишь,

Когда мнѣ должно возвратиться въ шѣ мѣсна,

При имени кошорыхъ грѣшникъ содрогнется.

ГАМЛЕТЪ.

Увы, отецъ мой!

ТѢНЬ.

Нежалѣй о мнѣ — внимай чшѣ буду

Я говоришь — внимай!

ГАМЛЕТЪ.

Вниманье долгъ мой.

ТѢНЬ.

И мщенье за меня швой неизмѣнный долгъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чшо слышу!

ТѢНЬ.

Голосъ швоего отца,

Сужденнаго бродить во шмѣ ночей,

И мучиться, пока грѣхи мои сгоряшъ

Средь пламени терзаній адскихъ.

О если-бъ могъ я разсказать шебѣ —

Ошъ одного-бы слова кровь заспыла,

П очи выпали-бы со слезами,

П каждый волосъ на главѣ швоей спалъ дыбомъ!

Но вѣчное молчанье печалѣешь мнѣ уша....

Внимай, внимай, внимай! Любилъ-ли ты меня

ГАМЛЕТЪ.

О небо!

ТѢНЬ.

Ошмсни-же смерть мою, убійство!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Убійство!

ТѢНЬ.

Да, безчеловѣчное, свирѣное убійство,

Злодѣйство, безъ числа, и мѣры и предѣловъ!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи мнѣ — будшо мысль, пль помыслы любви,

Я полечу къ ошмщенью!

ТѢНЬ.

Ты готовъ,

И если-бъ ты подобенъ былъ шравѣ изгнившей,

Ты долженъ быть готовъ. Внимай мнѣ, Гамлетъ!

Распространили слухъ, что сонный я
Ужаленъ былъ змѣею ядовитой.
Такъ говорили, но узнай, мой юный сынъ:
Что змій, ужалившій меня и погубившій,
Теперь вѣнецъ мой носить!

ГАМЛЕТЪ.

Дядя мой!

О ты, души моей предчувствіе, сбылось!

ТѢНЬ.

Чудовище разврата и порока,
Волшебствомъ разума и ласкою нѣги
Умѣлъ прельстить мою супругу, Королеву,
О Гамлетъ! понялъ-ли позоръ и стыдъ мой?
Она поверглась въ пропасти разврата
И обольстившись восторжествовала!
Но, слышу, вѣсть упренней прохладой —
Мнѣ должно сокращишь рассказъ — въ саду
Я отдыхалъ, и съ чашей яда подкрался онъ
И сонному мнѣ въ ухо влилъ ужасный ядъ,
Ядъ, отъ котораго кровь стынешь
И тѣло падаетъ согнившимъ шрупомъ.
И въ мигъ одинъ, рукою брата,
Я былъ лишенъ супруги, и вѣнца и жизни,
Погибъ во шмѣ грѣха, безъ покаянья.
О, ужасъ, ужасъ, ужасъ! Забудь природы голосъ,

Избавь позора честь мою и шронъ.
Спрашися вознестъ на матеръ руку,
Оставь ее шерзаньямъ горесни и скорби,
Ошмсни убійцѣ!... Червь свѣтлѣющій меркнетъ
И утра часъ мнѣ шяжкій возвѣщаетъ —
Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(исчезаетъ).

ГАМЛЕТЪ (однѣ).

О небо! и земля! и что еще?
Или и самый адъ призвалъ я долженъ!
Небейся, сердце! нестарѣй, тѣло!
И укрѣпишесь въ новыхъ силахъ!
Помнишь о тебѣ... Отецъ несчастный!
Я буду поминать, пока память будетъ!
Помнишь о тебѣ... Да, я изглажу
Изъ памяти моей все что я поминать,
Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней швон слова,
Твои велѣнья, и ничто во вѣки
Несъединишя съ ними! Небо и земля!
О мать моя! чудовище порока...
Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:
«Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть.»
И что еще? Я запишу его слова:
«Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!»
Клянусь: я помню!

ГОРАЦІО (за сценою).

Принцъ, Принцъ!

МАРЦЕЛЛО (за сценою).

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО (за сценою).

Сохрани васъ небо!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я помню!

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! гдѣ, гдѣ вы?

ГАМЛЕТЪ.

Здѣсь, малютка! Сюда, сюда, я здѣсь!

ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, Принцъ?

ГОРАЦІО.

Что новаго?

ГАМЛЕТЪ.

О! чудеса!

ГОРАЦІО.

Скажише, Принцъ, скажише!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!

Ты все-мъ расскажешь.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ! клянемся!

ГАМЛЕТЪ.

Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?

Ты все откроешь!

ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ! клянемся небомъ!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ знайше-жь: въ Даніи бездѣльникъ каждый

Есть въ по-же время плусть негодный. Да!

ГОРАЦІО.

Чтобъ эту новостъ разсказать,

Несомноу вснавань изъ гроба....

ГАМЛЕТЪ.

Истинная правда, и пошому что правда, поскорѣе

Давайше руки и разстанемся друзьями.

Идише вы, куда влекушъ желанья и дѣла —
У всякаго есть дѣло, есть желанье —
А я пойду, куда велишь мой жалкій жребій.
Пойду — молишься...

ГОРАЦІО.

Принцъ! что за слова
Разстройства и смущенья!

ГАМЛЕТЪ.

Жаль мнѣ, очень жаль.
Что оскорбляю васъ словами — право, жаль.

ГОРАЦІО.

Тутъ оскорбленія нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, есть, Гораціо,
И оскорбленіе большое! А объ этой шни,
Я вамъ скажу, что шнь почтенная, повѣрьте.
О томъ-же, что желали-бы вы знать,
Что между нами было — постарайтесь,
Какъ можно укрошить желанье ваше.
Теперь, друзья мои, поварищи, позвольте
Къ вамъ маленькую просьбу.

ГОРАЦІО.

Говорите, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ни слова, никому что было въ эту ночь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! никому.

ГАМЛЕТЪ.

Клянишесь!

ГОРАЦІО.

За себя,

Клянусь!

МАРЦЕЛЛО.

Я за себя, клянусь!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! клянву на мечъ моемъ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы вамъ клялись.

ГАМЛЕТЪ.

Что нужды! На мечъ!

ТѢНЬ (подъ землею).

Клянишесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! онъ здѣсь, пріятель, здѣсь — что-жъ выходи!
Вы слышали его: «Клянишесь!»

ГОРАЦІО.

Повторяемъ клятву!

ГАМЛЕТЪ.

Чтобъ никогда неговоришь что было здѣсь —
Мечемъ моимъ, мечемъ клянись-ли?

ТѢНЬ (подъ землею).

Клянишься!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь и шамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто.

Сюда, друзья!

Кладите руки ваши здѣсь, на мечъ мой,

Мечемъ моимъ клянишься,

Чтобъ никогда неговоришь что было здѣсь!

ТѢНЬ (подъ землею).

Мечемъ его клянись!

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо, подземный крошъ! шы роешь славно,

И подъ землею шакъ и бѣгаешь! Сюда,

Подальше отъ него, друзья, сюда!

ГОРАЦІО.

Клянусь — невѣдомое чудо совершилось!

ГАМЛЕТЪ.

И постарайшесь, чтобъ оно невѣдомо осталось.

Гораціо! ешь многое и на землѣ и въ небѣ,

О чемъ мечшашъ несмѣешь наша мудрость.

Къ дѣлу!

И здѣсь, и шамъ, всегда, да будешь Богъ свидѣтель,

Какъ шранны ни казались-бы мои поступки,

Бышь можешь, вздумаешься мнѣ, съ чего нибудь,

Прикинушесь безумцемъ —

Вы, чтобъ ни дѣлалъ я, вы никогда

Несложите вошь эшакъ рукъ, и головою

Непокачаете вошь шакъ, и слова

Двусмысленнаго произнесете — на примѣръ:

«Да, да, мы знаемъ», или «мы могли-бъ, когда
хотѣли,»

Иль — «еслибъ говоришь,» иль — «можно-бы узнать»...

Словомъ — ни одно и никакое слово,

И никакой намѣкъ, что вамъ извѣстно что нибудь. —

Клянишься мнѣ — и сохрани васъ Боже

Нарушишь клятву мнѣ!

ТѢНЬ (подъ землею).

Клянишься!

ГАМЛЕТЪ.

О успокойся, спраждающая тѣнь! — Друзья,

Со всей любовью остаюсь я къ вамъ,

И какъ Гамлетъ ни бѣденъ жребіемъ своимъ,
Онъ дружбу и любовь свою докажешь вамъ,
При Божьей помощи. Пойдемше вмѣстѣ
И палецъ на губы и навсегда, прошу васъ.
Событіе вѣдъ всякаго другаго! Пресупленье
Проклятое! зачѣмъ рожденъ я наказашъ себя!
Но — въ пушъ, друзья мои! Пойдемше вмѣстѣ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ).

ПОЛОНІЙ и РЕЙНОЛЬДО.

Полоній.

Ну, понялъ-ли? Вотъ деньги и бумаги.

Рейнольд.

Исполню швой приказъ.

Полоній.

Но, прежде,
Какъ говорилъ я, подъ рукой развѣдашь
Ты долженъ обо всемъ — ну, понимаешь?

Рейнольд.

Да.

Полоній.

Люблю какъ понимаюшъ. Вотъ и начини,
Издааска: кто земляки швой,
Какъ поживаютъ и чпо дѣлають въ Парижѣ,

Гдѣ кто живешь, съ кѣмъ водишься,
А шамъ, какъ будто ненарочно,
И объ Лаершѣ, но искусно, поведешь ты слово.
Сперва скажи, что ты его не знаешь вовсе,
Или вошь шакъ: «Ошца его я знаю,
Такъ немного, и родню немного» — понимаешь?

Рейнольдъ.

Да.

Полоній.

«Ну и его немного», а пошомъ:
«Не шомъ-ли эшо, шалунъ, шаккой, сякой» —
И можешь многое сказать — лишь недурное,
Боже сохрани — итьшъ, итьшъ, а знаешь,
Всякій вздоръ, что молодежи негрѣшно
И извинительно. . . . Вошь, вошь. . . .

Рейнольдъ.

Ну, каршы, на примѣръ?

Полоній.

Пожалуй — карты, вино, драчливость, ссоры,
Волокишество. . . .

Рейнольдъ.

Да, не пороки-ль эшо?

Полоній.

Пороки! Все зависишь ошъ шого,
Какъ сванешь говорить. Неназывая прямо,

Что онъ игрокъ, буянъ, представъ его
На волѣ юношей, съ горячей кровью
И съ вольной головой... Туть надо, шакъ, искусно...
Ужь-ли непонимаешь?

Рейнольдъ.

Но, къ чему-же эшо?

Полоній.

То ешь, къ чему все эшо поведешь?

Рейнольдъ.

Да, я хотѣлъ-бы

Знать ваши мысли.

Полоній.

А вошь видишь

Какой шумъ планъ — онъ, кажешь, недурень,
Хишеръ довольно. Когда ты набросаешь
Твои намѣки, примѣчай прилежно,
Что скажешь съ кѣмъ ты говоришь.
Будь увѣренъ, если шолько мало-мало
Есть основаніе всему что ты сказалъ,
Твой собесѣдникъ шакъ заговоришь:
«Да, милосивый государь,» или «Да, другъ,» или
«Да, господинъ честной»... шо ешь, смолри
Какъ говоришся шамъ у нихъ ...

Рейнольд.

Положимъ ,

Что говорится какъ нибудь — онъ скажешь....

Полоній.

Да, онъ скажешь.... скажешь.... Что бишь,

О чемъ шла рѣчь? Ты съ шолку сбиль меня!

Я что-то говорилъ....

Рейнольд.

Да, « Онъ заговорилъ, »

Сказали вы....

Полоній.

Ну, да! вошь онъ заговорилъ :

« Я видѣлъ точно , эпомъ господинъ

Вчера былъ шамъ, сегодня былъ онъ здѣсь ;

Онъ здѣсь былъ хмѣлень — шамъ онъ проигрался —

Тамъ онъ подрался — шамъ онъ былъ».... Ты видишь,

Что швой намѣкъ былъ удочкой, и шы

Успѣешь правду поймаешь на эшу уду.

Такъ, милый мой, мудрецъ и ловкій человекъ

Споронкой, да обходомъ, да уловкой,

Идиш умѣешь прямо къ вѣрной цѣли ,

И такъ послунишь шы и въ эпомъ дѣлѣ,

И правду мнѣ развѣдаешь объ сынѣ.

Поняшно-ли ?

Рейнольд.

Поняшно.

Полоній.

Хорошо !

Пусть добрый, осправляйся съ Богомъ въ путь.

Рейнольд.

Прощенья просимъ.

Полоній.

Между тѣмъ шы не забудешь

И самъ замѣшишь ?

Рейнольд.

Да, конечно.

Полоній.

Между тѣмъ

Ему замѣшишь не давай !

Рейнольд.

Мое почтение !

(уходитъ).

Полоній.

Съ Богомъ !

(уходитъ Офелія).

Ну, что, Офелія, что новаго ?

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! Боже мой! я вся дрожу отъ страха!

ПОЛОНИЙ.

Что, что такое случилось? Скажи скорѣе!

ОФЕЛІЯ.

Я въ комнатѣ своей сидѣла за шитьемъ,
Принцъ Гамлетъ вдругъ вошелъ ко мнѣ,
Безъ шляпы, весь распрепанъ, блѣденъ,
Дрожишь, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
Какъ будто адскую узналъ онъ шайну....

ПОЛОНИЙ.

Рякнулся отъ любви къ себѣ!

ОФЕЛІЯ.

Незнаю,

Но, кажется, онъ помѣшался.

ПОЛОНИЙ.

Что такое

Онъ говорилъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ за руку схватилъ меня,

И крѣпко руку мнѣ пожалъ; другой рукою
Закрывъ глаза, вошь такъ — и долго

Смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ,
Такъ тяжко, будто съ эшимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улѣтѣть. Потомъ
Онъ покачалъ при раза головой,
И вонъ пошелъ, но непуская глазъ съ меня,
Недумая куда идешь....

ПОЛОНИЙ.

Довольно!

Скорѣе къ Королю. Безумство это
Любовное безумство — понимаю!
Любовь всего скорѣй съ ума насъ сводитъ.
Жаль, очень жаль мнѣ Принца! Вѣрно,
Ты грубо оппвчала на его любовь?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, только слѣдуя приказу,
Я писемъ отъ него непринимаю больше,
И запретила видѣться со мною.

ПОЛОНИЙ.

Вошь онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ жаль,
Что поступилъ я слишкомъ скоро, строго;
Да, вѣдь я думалъ, что онъ шутишь! Могъ-ли
Предвидѣть слѣдствія — пошороился — глупо!
Все недовѣрчивоси проклятая причиной —
Мы старики упрямые. Поепѣшимъ

Скорѣ къ Королю и все расскажем.
Его несполько оскорбитъ любовь Гамлета,
Какъ шо, когда мы испины не скажемъ.

(уходить).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬ-
ДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденштернъ. Мы рады видѣть васъ,
И кромѣ этого желанья, поспѣшили
Послать за вами пошому, чшо мы
Надѣмся отъ васъ услуги важной.
Вы слышали о перемѣнѣ этой,
Какую въ Гамлетѣ всѣ видятъ нынѣ?
Говорю: «о перемѣнѣ,» пошому чшо онъ
Самъ на себя спалъ непохожъ.
Ошца-ли смерть причиною шому?
Непонимаю, и обоихъ васъ прошу,
Васъ, какъ товарищей его, друзей,
Ошаться съ нами, постараться какъ нибудь
Развлечь Гамлета; между шѣмъ прилежно
Наблюдать и разгадать причину перемѣны
Въ его характерѣ, умѣ, поступкахъ.

Узнавши чѣмъ онъ боленъ, намъ легко
Сыскашь лекаршво.

КОРОЛЕВА.

Онъ всегда объ васъ
Такъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ,
И если вы ошашься съ нами согласитесь
На время, намъ помочь въ несчастьи нашемъ,
Повѣрьте, чшо наградой вашей будетъ
Моя и Короля признательность.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Несмѣемъ,

Королева, мы преслушать васъ —
Вы не проситъ — приказывать извольте!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы оба счасіемъ почтемъ услугу,
И вашей Королевской власти предаемъ
Всѣ наши средшва, силы и желанья.

КОРОЛЬ.

Благодаримъ васъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

КОРОЛЕВА.

И я благодарю васъ, и прошу скорѣ
Идти къ несчастному Гамлету. Кшо-нибудь
Изъ васъ проводишь ихъ шуда, гдѣ онъ шеперь.

Король.

И дай Богъ, чтобы это въ пользу послужило,
И намъ, и вамъ.

Королева.

Ахъ! дай Богъ, дай Богъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ, въ сопровожденіи одного изъ придворныхъ).

Полоній.

Послы, которыхъ вы въ Норвегію послали,
Пріѣхали, и — съ добрыми вѣстями!

Король.

Ты былъ всегда опцомъ вѣстей пріятныхъ.

Полоній.

Вы думаете шакъ, Король? Позврьте,
Всемилошавѣйшій власшнпель мой, что я
Вамъ, послъ Бога, вамъ все посвящаю,
И душу, и мои способности, и если
На сей разъ мнѣ догадка неизмѣнишь,
Какъ прежде мнѣ неизмѣняла — я
Сыскалъ причину Принцева разстройства.

Король.

Такъ говори-же поскорѣе, говори!

Полоній.

Угодно-ль вамъ сперва пословъ увидѣть,
А важное открытіе мое
Пусть будетъ вамъ закуской послъ нихъ.

Король.

Введи ихъ поскорѣе къ намъ, сюда.

(Полоній уходитъ).

Онъ говоритъ, Герштруда, что нашелъ
Причину помѣшательства Гамлета.

Королева.

Какой причинѣ быть иной,
Какъ смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ!

Король.

Мы все узнаемъ.

(Къ Волтиманду и Корнелию, которыхъ вводитъ Полоній).

Нашъ привѣтъ вамъ, господа!

Что, Волшимандъ, вы привезли
Отъ брата нашего, Норвежскаго владыки?

Волтимандъ.

Возвратъ привѣтствій дружбы и союза.
Едва мы*прибыли въ Норвегію, немедля
Онъ прекратилъ все замыслы вражды,
Какіе составлялъ его племянникъ:

Онъ увѣрялъ, что будшо противъ Польши
Сбираешь войско и грозишь войною.
Но замысль тайный мы открыли Королю;
Онъ оскорбился, что племянникъ смѣлъ
Во зло употребить его шерпѣнье;
Онъ строго говорилъ съ нимъ, и послушный
Велѣнью дяди, юный Форшинбрасъ
Даль кляшву сохранишь къ вамъ миръ и дружбу;
За то Король ему позволишь согласился
Осправиться на бишву съ Польшей, войско,
Имъ собранное, въ Польшу повести.
Вотъ грамота, гдѣ онъ проситъ васъ смѣть,
Чтобъ вы позволили чрезъ Дашскія владѣнья
Племяннику его пройди на Польшу;
Онъ вамъ ручается за безопасность вашу,
И объясняетъ всѣ условія, какія
Почелъ онъ важными, при вашей волѣ,
На просьбу Форшинбраса соглашаясь.

Король.

Пріятно намъ все это слышать, и ошѣтвомъ,
По здоровомъ размыслены, доказашъ,
Что дружбу Короля вполнѣ мы цѣнимъ.
Благодаримъ васъ за труды. Идите
Спокойно ошдохнуть, и въ эшотъ вечеръ
Мы просимъ васъ веселье раздѣлить.

(Волтимандъ и Гильденигертъ уходятъ).

Полоній.

Ну! это кончено прекрасно, хорошо.
Король и Королева! говорить о шомъ,
Что есть величество, что преданность,
Что день есть день, что ночь есть ночь, и время —
время,
Все это значить пошерять и день, и ночь, и время.
И такъ, какъ крашкоснь есть душа ума,
А многословіе его одежда, шло —
Я буду крашокъ. Сынь вашъ сумасшедшій,
Онъ шо-есть шо, что говоринся — сумасшедшій,
Но это въ сторону —

Королева.

Да, меньше словъ и больше толку.

Полоній.

Королева! я клянусь, что мысляю лишь объ эшомъ!
Онъ сумасшедшій — правда; жаль,
А пошому и жаль, что правда — глупая фигура,
Да, Богъ съ ней, пошому, что дѣло въ дѣлѣ!
Онъ сумасшедшій — мы согласны — вошъ и оспаешся
Найдиши причину шаковыхъ послѣдствій,
Иль лучше шаковыхъ безслѣдствій,
Ибо слѣдствіе есть шо, что слѣдъ пропалъ онъ дѣла.
Такъ, кончено, и наконецъ идемъ къ концу —
Вниманія, Король и Королева!
Я дочь имѣю, ибо эша дочь моя,

Которая, изъ послушанія и долга, мнѣ

Передала бумагу, и — прошу послушать:

« Небесной, идолу души моей, прекраснѣйшей
Офеліи.

« Прекраснѣйшей! » — пустая, вздорная фраза,
но извольте выслушать. И такъ :

« На близкѣ твоей прелестной груди, » и прочее....

КОРОЛЕВА.

И это Гамлетъ написалъ къ ней ?

ПОЛОНІЙ.

Вниманья, Государыня, покажешь дѣло.

Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаешь,
Сомнѣвайся въ солнечномъ движеніи,
Есть шомъ что правда въ истинѣ бываетъ,
Но въ любви моей отбрось сомнѣнье.

« Милая Офелія! эти строчки умножили мою
грусть. Я неумѣю красиво пересказать мои
вздохи, но я люблю тебя, очень люблю. Про-
снѣ. Твой навсегда, обожаемая дѣва, пока духъ
мой держишься въ пѣлѣ —

Гамлетъ.

Мнѣ повинуюсь, дочь мнѣ это показала ;

Пересказала все , что говорилъ онъ ей,

Манеръ рѣчей, и мѣсто, время —

Все мнѣ объяснила.

КОРОЛЬ.

Но любовь Гамлета

Какъ приняла?

ПОЛОНІЙ.

А чѣмъ вы почиаете меня ?

КОРОЛЬ.

Почтеннымъ, вѣрнымъ человекомъ.

ПОЛОНІЙ.

Я это докажу. Но что-бъ могли вы думать ,
Когда-бъ любовь я эту принялъ

(Я предугадывалъ ее и прежде
Рѣчей дочернихъ), чтобы могли вы думать,
Король, и вы, владычица моя и Королева ,
Когда-бы дѣло это я оставилъ

Такъ, какъ вещь ничтожную, пустую,
Или хладнокровно слушалъ я объ этомъ —
Что-бъ могли вы думать ? Нѣтъ ! я прямо,
Вотъ этакъ началъ дочери мои слова :

» Принцъ Гамлетъ не шибѣ чеша,
И это вздоръ, » и далъ ей наставленье
Неподавать его любви пошворства ,
Небравъ подарковъ , письма отсылать.
Она исполнила все свято, и — плоды
Ея поступковъ были (сокращаю рѣчь)....

Онъ былъ отверженъ, сдѣлался печалень,
Пошомъ спалъ мучиться, неспать, слабѣть,
Дурѣть, шалѣть, и, наконецъ съ ума сошелъ,
И всѣхъ насъ опечалилъ.

Король.

Неуже-ли точно?

Королева.

Да, это можетъ быть легко.

Полоній.

Да было-ли хоть разъ — прошу васъ уличить —
Когда-бы я сказалъ, что это такъ,
А вышло — нѣтъ?

Король.

Нѣтъ, сколько я припомню.

Полоній *(указывая на голову и плечи)*.

Снимите-же съ меня вотъ это, если
И шеперь не такъ. И только-бы немного
Вы помогли, я истину найду,
Хоть въ землю закопайте!

Король.

Но какія-жъ средства?

Полоній.

Вы знаете, что иногда часа чешыре
Онъ здѣсь гуляетъ въ галлерей —

Королева.

Точно такъ.

Полоній.

Вотъ въ это время, я дочь и выпущу.
Мы спрячемся здѣсь, за коврами,
Подслушаемъ, и если онъ ее нелюбитъ,
И если не она его ума лишила —
Не будь я больше тайный вашъ совѣтникъ,
Пусть буду конюхъ, скопомасъ....

Король.

Что-жъ? я согласенъ.

(Гамлетъ входитъ, читалъ).

Королева.

Посмотрите: вотъ онъ идетъ, читаетъ что-то —
какъ унылъ!

Полоній.

Такъ удалились-же скорѣе, оба — я начну
Мои зашты — о позвольте только....

(Король и Королева уходятъ).

Полоній.

Какъ поживаете, любезный Принцъ?

Гамлетъ.

Слава Богу! хорошо.

Полоній.

Да, знаете-ли вы меня, Принцъ?

Гамлетъ.

Очень знаю: ты рыбакъ.

Полоній.

Нѣтъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Ну, если нешакъ, то я желаю, чѣмъ бы
былъ шакъ-же честенъ.

Полоній.

Такъ-же честенъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Да, бышь честнымъ на этомъ свѣтѣ значить
бышь выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній.

Точная правда, Принцъ.

Гамлетъ.

И если самое солнце зараждаетъ червей въ
дохлой собакѣ.... Да, есть-ли у тебя дочь?

Полоній.

Есть, Принцъ.

Гамлетъ.

Невели ей ходишь на солнцѣ, попому, что
хоть плодородіе значить благословеніе, но
если это коснется швоей дочери — береги ее,
пріятель!

Полоній.

Что вы хотите сказать, Принцъ? (въ сторо-
ну) А все о моей дочери! Сначала онъ не-
зналъ меня—сказалъ, что я рыбакъ. Такая дичь!
Въ молодости я самъ влюблялся на-смерть,
почти былъ такимъ-же дуракомъ. Поговоримъ
еще. (громко) Что вы чинаете, Принцъ?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова!

Полоній.

Да, въ чемъ состоишь дѣло, Принцъ?

Гамлетъ.

Тутъ нѣтъ дѣла.

Полоній.

Я говорю то-есть, въ чемъ дѣло въ словахъ
этой книги?

Гамлетъ.

Клеветы! Проклятый насмѣшникъ сочинилъ
говоришь, что у спариковъ волосы едѣе, а

лицо въ морщинахъ, глаза худо видяшъ, а въ головѣ сколько-же безсилія, сколько и въ ногахъ. Все это правда, да пишашъ этого ненадобно, пошому что, посуди самъ: ты можешъ сдѣлаться такимъ-же старикомъ, какъ я теперь, если по раковому манеру спанешъ панишь задомъ на пути жизни.

Полоній *(въ сторону)*.

Глупыя рѣчи, но въ нихъ есть что-то менодическое. *(въ слухъ)* Не пойдете-ли куда нибудь прогуляться, Принцъ?

Гамлетъ.

Куда? Въ могилу?

Полоній.

Ну, это уже будетъ въ самомъ дѣлѣ прогулка. *(въ сторону)* Какъ онъ ловко перебиваешъ рѣчи! Сумасшедшіе иногда наудачу говоряшъ такъ ловко, что и умный непридумашъ. Оставимъ его и пойдешъ уладишь встрѣчу его съ моею дочерью. *(въ слухъ)* Свѣплѣйшій Принцъ! позволите взять смѣлосъ просишь-ся съ вами.

Гамлетъ.

Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою!

Полоній.

Прощайте, Принцъ!

Гамлетъ.

Смартый, глупый болшунъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Полоній.

Вамъ угодно видѣшь Принца? Вотъ онъ.

Розенкранцъ.

Благодаримъ.

(Полоній уходитъ).

Гильденштернъ.

Почтениѣйшій. . . .

Розенкранцъ.

Любезнѣйшій. . . .

Гамлетъ.

Милѣйшіе друзья! Каковъ ты, Гильденштернъ? Что, милый Розенкранцъ? Ну, какъ васъ Богъ милуешъ?

Розенкранцъ.

Что намъ дѣлается, Принцъ, ничпожнымъ людямъ!

Гильденштернъ.

Счастливымъ ужъ и пошому, что мы недумаемъ о большомъ счастьи.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, что если счастье даешь вамъ щелчки,
и то ладно?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ну, это несовѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы добиваетесь середины вещей? И очень
хорошо, но Фортуна баба негодная—да, что
новаго, господа?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ничего, кромѣ того, Принцъ, что свѣтъ сна-
новинился лучше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Да, что-же онъ, развѣ съ
ума сошелъ? Кспани, скажите: чѣмъ вы доса-
дили Форшунѣ, что она ошправила васъ въ
пюрма?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ пюрму, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да. Вѣдь Данія пюрма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Снало бытъ, и цѣлый свѣтъ пюрма?

ГАМЛЕТЪ.

Разумѣйся. Свѣтъ просто пюрма, съ раз-
ными перегородками и ошдѣленіями. Данія са-
мое гадкое ошдѣленіе.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Съ эшимъ трудно согласишься, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Можетъ быть, для васъ не такъ; всякій ду-
маетъ добро и худо по своему; по моему —
свѣтъ пюрма!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Можетъ быть, свѣтъ пѣсенъ для великой
души вашей, и потому кажется пюрмою.

ГАМЛЕТЪ.

О Боже мой! моя великая душа помѣснилась-
бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ-бы себя
владыкою безпредѣльнаго просиранства; но мнѣ
снялся дурные сны, такіе дурные сны....

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Безъ сомнѣнія, это сны честолобія, потому
что честолобецъ гоняется за мечною сна.

ГАМЛЕТЪ.

Да, вѣдь сонъ мечпа?

Розенкранцъ.

Безъ сомнѣнія, и поному мнѣ кажется, что
чесполобецъ гоняется за мечною.

Гамлетъ.

Право? Спало бышь, наши лѣнныя мѣщане
живутъ въ дѣйствительности, а великіе люди
въ мечпань? Я что-то глупъ сегодня — не-
пойдши-ли намъ къ Королю?

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Мы охотно будемъ вашими поварищами.

Гамлетъ.

Въ глупости? О, вѣтъ, господа! И безъ шо-
го у меня шакая толпа поварищей, и даже
услужниковъ. По чести говоря, глупость де-
шевая монета при нашемъ Дворѣ. Но за тѣмъ
вы въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ.

Компѣли видѣшь васъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Я бѣднякъ на спасибо, нищій, но благодарю
васъ, друзья мои, и разумѣется, благодарю
моя спосишь, по крайней мѣрѣ, грошъ! Чпѣ, васъ
послали ко мнѣ? Или вы сами пришли, добро-
вольно? Говорите искренно, говорите!

Гильденштернъ.

Что прикажете, Принцъ?

Гамлетъ.

Все, что вамъ угодно, только не отвѣтъ на
мой вопросъ. Мнѣ будешь спыдно за васъ. Вы
глядите шакъ, а спанете говорить иначе. Я
знаю — добрый Король и Королева послали
васъ.

Розенкранцъ.

Для чего-же, Принцъ?

Гамлетъ.

Это вы должны знать. Но я заклинаю васъ
нашимъ товарищесствомъ, дружбою нашей юно-
сти, поспоянною нашею любовью, и вѣтъ, что
только рипорика можешь придумать лучшаго,
скажите откровенно: вы присланы ко мнѣ? Да,
или вѣтъ?

Розенкранцъ (Гильденштерну).

Что скажете ему?

Гамлетъ (въ сторону).

Я насквозь вижу васъ! (громко) Если вы ме-
ня любите, не лгите.

Гильденштернъ.

Принцъ! мы присланы къ вамъ.

Гамлетъ.

А я скажу вамъ зачѣмъ. Мое изъясненіе из-
бавитъ васъ отъ признанія, и ни на одинъ во-

лось несдѣлаешь васъ болтунами. Недавно, незнаю отъ чего, пропала вся моя веселость. Я бросилъ всѣ мои занятія, и мнѣ такъ грустно, что земля кажется мнѣ кускомъ грязи, а небо, это гордое величіе неба, съ его золотыми звѣздами — грудой заразительныхъ паровъ. Какое величіе являетъ собою человекъ! Какое благородство въ его умѣ, безконечность въ способностяхъ, прелестъ въ формахъ — это духъ небесный, украшеніе свѣта, образчикъ осязательной природы!... Ну, а для меня, что такое эта эссенція глины? Я нелюблю человека — женщинъ еще больше! Что вы смѣшаетесь? Прраво, такъ!

Розенкранцъ.

Я невѣрю, Принцъ.

Гамлетъ.

Что-жъ шутишь смѣшнаго, если я нелюблю человека?

Розенкранцъ.

Если нелюбишь, то вы худо примете комедіантовъ, которые попались намъ на дорогѣ. Они хотѣли предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

Почему-жъ не такъ. Играющій роль Король — добро пожаловать; я готовъ къ услугамъ,

и спранный рыцарь пусть явится съ своею шпагой; любовникъ nebude въдыханъ даромъ; шушу свое мѣсто; дуракъ заспавшись умныхъ дурачиться, а Княжна ошкороженно признается въ любви своей, въ снѣгахъ. Да какіе это комедіанты?

Розенкранцъ.

Тѣ самые, Принцъ, которые нѣкогда вамъ очень нравились, и будутъ очень довольны, если и теперь понравятся вамъ.

Гамлетъ.

Почему-же не такъ? Тутъ еще nebude такихъ чудесъ, какія сдѣлались съ моимъ дядей, нынѣшнимъ Датскимъ Королемъ: тѣ, кто считалъ его ничтожнымъ при жизни моего отца, плаваютъ теперь 10, 20, 40 дукашовъ за маленькій поршреть его. Тутъ надобно-бы философіи постараться ошкорошить: отъ чего маленькіе человечки спановались великими, когда великіе переводятся?

(слышится звукъ трубы).

Гильденштернъ.

Вонъ и комедіанты!

Гамлетъ.

А, господа, добро пожаловать! Давайше руки — ну, ну! скорѣе! Ласковость начинается

привѣспивіемъ. Дайте сперва съ вами научиться мнѣ принявъ комедіяншовъ, чѣмъ не сказали потомъ, будто я былъ слишкомъ учтивъ къ такимъ людямъ, которые далеко уступаютъ вамъ, господа! Здравствуйше, здравствуйше, господа! Но—мой дядя-ошецъ и моя мать-шешка очень ошибаются.

Гильденштернъ.

Въ чемъ, Принцъ?

Гамлетъ.

Онъ и она не знаютъ, что я тогда только сумасшедшій, когда вѣшеръ дуешь съ сѣверо-запада, а при южномъ вѣтрѣ я непряму свѣчки за солнце.

Полоній (сходитъ).

Здравія, господа!

Гамлетъ.

Слушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ—на всякое ухо по одному слушателю—эпошъ взрослый ребенокъ, котораго вы видели, еще не вышелъ изъ люльки.

Розенкранцъ.

Можешь бышь, опять легъ въ нее; говорятъ, будто шароспъ еспъ возвращеніе къ дѣйству.

Гамлетъ.

Посмотрите, что онъ пришелъ извѣщать насъ о началѣ комедіи... И такъ, это было, говорили вы, въ понедѣльникъ упрямъ —

Полоній.

Принцъ! я принесъ вамъ новосши.

Гамлетъ.

И я вамъ также могу рассказать много новаго. Когда въ Римѣ былъ великій актеръ Росціусъ....

Полоній.

Къ намъ пріѣхали комедіаншм.

Гамлетъ.

Будто?

Полоній.

По чести, правда.

Гамлетъ.

На ослахъ молодымъ,
Бдуть наши пѣвцы....

Полоній.

Чудесные актеры! Для трагедій, комедій, историческихъ пасторалей, комическихъ пасторалей, исторіи пасторальной, трагедіи исторической, прагикомедіи, драмы съ преме

единствами и поэмъ безъ всякаго единства.
Нѣтъ ничего печальнаго у Сенеки, забавнаго у
Плавша, въ родѣ правильномъ, въ родѣ безъ
правиль, чего-бы они не представляли.

Гамлетъ.

О чудное чудо

И дивное диво!

Какимъ сокровищемъ обладаешь ны!

Полоній.

Какимъ сокровищемъ?

Гамлетъ.

Какимъ?

Дочь прелестную имѣешь

И любишь ее умѣешь!

Полоній (въ сторону).

Все объ моей дочери!

Гамлетъ.

Не правда-ли, диво дивное?

Полоній.

Если вы меня изволише называть дивомъ, у
меня шочно естъ дочь, которую я очень люблю.

Гамлетъ.

Одного изъ другаго неслѣдуешь.

Полоній.

А что-же слѣдуешь, Принцъ?

Гамлетъ.

Что?

Человѣкъ предполагаетъ,

А судьба располагаетъ!

И попомъ, вѣдь ны самъ знаешь:

Чему бываешь,

Того неминовашъ.

А попомъ... да, вошъ, кспаша—явилось окон-
чаніе рѣчи само собой

(входить нѣсколько актеровъ).

Добро пожаловать, добро пожаловать, госпо-
да; очень радъ васъ видѣть! Здравствуйше,
друзья мои! Э, э, старый пріятель: у тебя
бородка поспросла, съ нѣхъ поръ, какъ мы
не видались! А ны, дружнице, у копорого го-
лось походишь на звонъ обрѣзаннаго червон-
ца—здорово, и нѣчего мѣшкашь—къ дѣлу, къ
дѣлу! Какъ охотники, подспрѣлимъ первую
дичь, какая попадется. Скорѣе—образчикъ ва-
шего дарованія, какой нибудь спрасшій мо-
нологъ!

I-й Актеръ.

Что прикажете, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Помнишь, ты чиналъ — что-бишь это такое, игранное, или неигранное — еще не вѣдѣю оно нравилось, но за то одни хвалили, другіе бранили. Одни говорили, что шутъ пустыя слова безъ смысла, а другіе находили черезъ чуръ много смысла; одни сказали, что это швореніе вкуса опличнаго, полное идей здравыхъ и вѣрныхъ, и пріятныхъ, и опличныхъ, а другіе.... Вотъ еще шутъ мнѣ особенно нравилось повѣшаніе Энея Дидона, а всего болѣе, когда Эней рассказываетъ о смерти Пріама. Если помнишь, такъ начни съ этихъ стиховъ:

И Пирръ, рыкающій, какъ-бы Гирканскій левъ...

Кажется, не-такъ, но точно начинается Пирромъ....

И Пирръ рыкающій, въ доспѣхъ вороненомъ
Скрывая черну мысль, подъ шепнымъ небосклономъ,
Исшедъ изъ пѣдръ коня, оружіемъ гремитъ.
Онъ теплой кровію несчастныхъ жертвъ облилъ;
На немъ дымящая кровь жентъ, махерей несчастныхъ,
Ощцовъ, дѣшей, сыновъ и дочерей ихъ злосчастныхъ.
Не такъ пожара огонь Троянскаго блещитъ,
Какъ злобный взоръ его свирѣпостью горитъ.
Какъ адскій огонь, ко злу онъ быстро прилепаетъ
И смертию погубитъ Пріама обѣщаетъ....

Продолжай!

Полоній.

Превосходно, Принцъ! Прочитано мастерски, съ удареніемъ, съ чувствомъ.

АКТЕРЪ (декламируетъ).

И се, онъ зрѣшь его, мечемъ своимъ дрожащимъ
Грозяща Эллинамъ, весь Иліонъ палящимъ;
Но пылостью своей изъ рукъ изгорѣлъ мечъ,
И на неравный бой спремьшися Пирръ пощечъ.
Опъ взмаха тяжкаго Пріамъ осиротѣлый
Паль на земаю, и — паль съ нимъ Иліонъ всецѣлый.
Остановился Пирръ, свой укрощаетъ гнѣвъ
И смерти яростной прешишь разверзнушь зѣвъ.
Останавливаетъ мечъ — такъ бури грозной силы,
Какъ будто пощадишь хотяшь спроенья хилы,
Мгновеніе одно — свой упишаешь вой,
Чтобъ снова загремѣть погибельной грозой....
— Нѣтъ! никогда Эфестъ, свой подымая млатъ,
Такъ страшно не разилъ, какъ Пирра здѣсь булатъ
Разилъ несчастнаго Пріама.... О, Фортуна!
За чѣмъ опъ Зевсова ты непадешь перуна,
За чѣмъ и боги всѣ, собравшися шолпой,
Тебя несвергнули въ мракъ стѣни гробовой
И колесо швое во Таршаръ не скашили....

Полоній.

Эпо очень длинно.

Гамлетъ.

Цырюльникъ швой шже говорилъ мнѣ о пиво-
ей бородѣ. Продолжай — вѣдь онъ скоро за-
снетъ.... Да — перейдемъ къ Гекубѣ.

АКТЕРЪ (декламируетъ).

Но если-бъ ты узрѣлъ расшрепанну Гекубу....

Гамлетъ.

Что: « Расшрепанну Гекубу? »

Полоній.

Да, въ самомъ дѣлѣ — хорошо-ли эпо? Да,
да, вѣдь эпо говоритъ о расшрепанныхъ во-
лосахъ! Хорошо, прекрасно!

АКТЕРЪ (декламируетъ).

Сменяющу, плачущу, шаящу скорбь сугубу,
Сказаль-бы ты, что слезъ ея кипящій шокъ,
Весь Иліона огнь залитъ мгновенно могъ.

Корона нѣкогда чело то украшала,
На коемъ нынѣ зришь ты лоскутъ покрывала —
Только унижень Гекубы шажкій рокъ!

Изъ устъ ея лешитъ проклятія пошокъ.
На шажку жребія и счастья измѣну,

На бѣдствій всѣхъ вину, коварную Елену.

О если-бъ боги зрѣшь могли шомъ страшный мигъ,
Какъ Пирра мечъ во грудь Пріамову проникъ —
Ихъ очи облеклись-бы горькими слезами,
Гекубы бѣдствія престѣклись-бы богами,
И жребія пошокъ....

Полоній.

Посмотрише, съ какимъ одушевленіемъ онъ
читаетъ все эпо! Слезы на глазахъ, лицо блѣд-
но... Довольно, довольно!

Гамлетъ.

Хорошо. Ты согласишься мнѣ ошальное по-
шомъ. Любезный Полоній! не лзя-ли угоснишь
ихъ порядочно? Вѣдь они зеркало того, что
мы дѣлаемъ, и, право, ихъ похвала при жизни
сшоемъ плохой эпишадѣи, кошорую напишутъ
на швоемъ гробѣ.

Полоній.

Я угощу ихъ по досшоемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

О, нѣтъ! лучше, лучше, нежели чего они
сшоемъ! Если всякаго угощашъ по досшоемъ,
много-ли ошанеши на свѣтѣ шакихъ,
кому не сшоело-бы данъ порядочной оплеухи?
Нынѣ, нѣтъ! угощи ихъ по размѣру своего
величія и своей щедрости.

Полоній.

Пойдемше, господа.

Гамлетъ.

Сшупайше, друзья мои, и пригосовьшесь играшь комедию. Да, спарый пріятель: можешь-ли ты представишь намъ смерть Гонзага?

Актеръ.

Можемъ, Принцъ.

Гамлетъ.

Хорошо, шакъ пригосовьше эту комедию. А сшишковъ десятокъ моихъ можно будешь всшавишь?

Актеръ.

Можно, Принцъ.

Гамлетъ.

Превосходно. Сшупайше за этимъ господиномъ, да, смотрише-же, несмѣйшесь надъ нимъ! (Полоній и актеры уходятъ) Ну, друзья мои, Розенкранцъ и Гильденшпернъ! до свиданія! Радъ, что видѣлъ васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Просишише, Принцъ.

(уходятъ).

Гамлетъ (одинъ).

Богъ съ вами! Я одинъ шеперь....

Какое я ничтожное созданье!

Комедіантъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ,

Мнѣ выражая спрасши, плачешь и блѣдишь,

Дрожишь, шрепещешь.... Отъ чего?

И что причина? Выдумка пустая,

Какая-шо Гекуба!

Что-жь ему Гекуба?

За чѣмъ онъ дѣлалъ слезы, чувства съ нею?

Что, если-бъ спрасши онъ имѣлъ причину,

Какую я имѣю? Запла-бъ слезами

Онъ весь шеагръ, и воплемъ расшперзалъ-бы слухъ,

И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ

У зришелей онъ заморозилъ кровь!

А я?

Ничтожный я, презрѣнный человекъ,

Безчувствѣнный — молчу, молчу, когда я знаю,

Что преступленье погубило жизнь и царство

Велкаго властителя — ошца!... Или я шрусъ?

Кшо смѣешь словомъ оскорбишь меня,

Или нанесъ мнѣ оскорбленье, безъ шого,

Чтобъ за обиду невштупиася я,

Нерасшперзалъ обидчика, некинулъ

На расшперзанье вранамъ шрупъ его? И что-же?

Чудовище развраща и убійцу вижу я,
 И самый адъ зовешь меня къ опущенью,
 А я — бесплодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,
 И онъ безвреденъ — онъ, когда я живъ,
 Я, сынъ убившаго отца, свидѣтель
 Безславья матери!... О Гамлетъ, Гамлетъ!
 Позоръ и стыдъ тебѣ!... Размыслимъ:
 Слыхалъ я, что порокъ и преступленіе,
 Увидѣвъ страшную себя картину
 Въ игрѣ искуснаго художника, невольно
 Высказывали стыдъ свой и позоръ
 И сознавались въ преступленьяхъ. Да,
 Безъ языка, безъ словъ все будетъ ясно.
 Актеровъ энихъ я играть заставляю
 Изображеніе ужаснаго убійства,
 Подобнаго злодѣйству дяди,
 И спану замѣчаешь — и если
 Смушился онъ, я — знаю, что мнѣ дѣлать!
 Быть можешь, привидѣніе это было
 Мечта, коварство духа тмы?
 Онъ можешь въ разныхъ образахъ являться.
 Онъ, можешь быть, влечешь меня на грѣхъ,
 И духъ мой, подозрительный и слабый,
 Употребляешь съѣзью для погибели души?
 Остерегусь, и хитрость пусть моя
 Мнѣ выскажешь всю совѣшь Короля!

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНИЙ, ОФЕЛІЯ, РО-
 ЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И не могли вы ловкимъ разговоромъ
 Узнать причину этого разстройства,
 И что такое мирный умъ его
 Повергло въ тяжкое, опасное безумье?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ въ помѣшательствѣ своемъ сознался намъ,
 Но ни за что намъ не сказалъ причины.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

И не хотѣлъ дать доступа къ душѣ.
 Когда мы начинали рѣчь объ немъ,
 Онъ ловко такъ умѣлъ свернуть
 Дурачество на глупость...

КОРОЛЕВА.

Но пріемъ вашъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Былъ дружескій и благородный.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но что-то принужденное въ поступкахъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы самъ, но ловко

Онъ отбивалъ вопросы наши.

КОРОЛЕВА.

Вы успѣли-ль

Уговорить его развлечься?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Королева! намъ попались на пути

Актеры; мы ему о томъ сказали,

И, кажется, онъ очень былъ доволенъ,

Услышавъ это. Они здѣсь во дворцѣ,

И получили, если я не ошибаюсь,

Приказъ — предсавить вамъ комедію сегодня.

ПОЛОНІЙ.

Точно такъ, и Принцъ мнѣ поручилъ,

Просить васъ удостоить посѣщеніемъ.

КОРОЛЬ.

Я охотно буду. Очень радъ

Что хоть на это есть еще его желанье.

Господа! прошу васъ постараться

Усильте склонность въ немъ къ такой забавѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ

Исполните постараясь.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

КОРОЛЬ.

Теперь, Гершпруда,

Оставь насъ. Мы Гамлета приведемъ сюда,

И будто случаемъ Офелію онъ встрѣтитъ.

Отецъ ея и я (обманъ позволенъ

Для добра) здѣсь спрячемся, и оба

Невидимые постараясь замѣшимъ,

И разсудимъ потомъ по разговору —

Любовь-ли къ ней его свела съ ума,

Иль что другое.

КОРОЛЕВА.

Повнимаюсъ вамъ,

И, какъ-бы я, Офелія, желала,

Чтобъ красота швоя была причиной

Гамлетова безумства! Я надѣюсь,

Что качества швоей души прекрасной

Его легко тогда-бы навели на умъ
Взаимнымъ счастьемъ.

ОФЕЛІЯ.

Если-бъ я могла...

(Королева уходитъ.)

ПОЛОНІЙ.

Офелія! какъ будто ты гуляешь здѣсь....

А если Вашему Величеству угодно

Укрыться здѣсь.... Ты будто съ книгой,

И это будто-бы причина

Твоей прогулки... Чшо ни говори,

А вещь рѣшена, что съ носилой рожей

Прикинувшись смиреннымъ, даже чоршъ

Обманешь....

КОРОЛЬ (въ сторону).

О какая правда! И какъ эта рѣчь

Мою терзаетъ совѣсть! Женщины развращенной

Лицо, покрытое поддѣльной краской,

Несколько ужасно, какъ мои дѣянья,

Прикрытыя цвѣтиспыми словами!

О бремя тяжкое!

ПОЛОНІЙ.

Идетъ. Король! угодно-ль,

Здѣсь мы укроемся — пожалуйте — сюда....

(Они скрываются. Офелія въ сторону.)

ГАМЛЕТЪ (входитъ).

Быть или небыть — вотъ въ чемъ вопросъ.

Чшо доблестнѣе для души: сносить

Удары оскорбительной судьбы,

Или вооружиться противъ моря золь

И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?

Умереть — уснуть — небольшое, и окончить спомъ

Сшаданья сердца, тысячи мученій —

Наслѣдство шѣла — какъ нежелалъ

Такого окончанья!... Умереть, уснуть —

Уснуть-бышь можешь грезить? Вотъ и затрудненье!

Да, въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья

Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?

Вотъ остановка, вотъ для чего хошимъ мы

Влачиться лучше въ долгой жизни —

И кто-бы перенесъ обиды, злобу свѣта,

Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,

Любви отверженной шоску, шщелу законовъ,

Судей безшмыдство, и презрѣнье это

Заслуги шершавой за дѣянья чесши,

Когда покоемъ подарить насъ можешь

Одинъ ударъ! И кто понесъ-бы это иго,

Съ прокляшiemъ, слезами, тяжкой жизни....

Но спрахъ: чшо будетъ тамъ? — Тамъ,

Въ той безвѣстной споронѣ, откуда

Нѣшь пришлецъ... Трепещешь воля
И шяжко заставляеъ насъ спрадашь,
Но небѣжашъ къ шому, что шакъ безвѣстно.
Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣеъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлосшь быспраго порыва гибнешеъ,
И мысль непереходипть въ дѣло.... Тшше!
Милая Офелія!... О нимфа!
Помяни грѣхи мои въ молишвахъ!...

Офелія.

Принцъ,
Здоровы-ль вы?

Гамлетъ.

Благодарю покорно — здоровъ.

Офелія.

Принцъ! я давно хощѣла возвращипть вамъ,
Что вамъ угодно было мнѣ вручипть
На памяшь, и позволеше мнѣ....

Гамлетъ.

Нѣшь, нѣшь?

Тебѣ я ничего и никогда не подарилъ,
Офелія!

Офелія.

Вы, вѣрно, позабыли, Принцъ,
И всѣ подарки ваши вы сопровождали
Такими милыми словами, что они
Мнѣ были дороги; перемѣнились вы —
Возмите ихъ обратно — для души и сердца
Подарокъ драгоцѣненъ отъ души и сердца.
Вотъ, Принцъ, подарки ваши.

Гамлетъ.

Ха, ха, ха! Ты честная дѣвушка, Офелія?

Офелія.

Принцъ!

Гамлетъ.

И красива?

Офелія.

Что вамъ угодно сказаши, Принцъ?

Гамлетъ.

То, что если ты честная и хорошенькая дѣ-
вушка, то незаслуживай красоты своей по-
гованье съ добродѣтелью.

Офелія.

Но кто можешъ быть лучшимъ поварихемъ
красоты, если не добродѣтель?

ГАМЛЕТЪ.

Правда, да шолько та бѣда, что скорѣе красота сдѣлаешь добродѣтель плутовствомъ, нежели добродѣтель подкрѣпитъ красоту. Въ этомъ я сомнѣвался прежде — теперь несомнѣваюсь. Я любилъ тебя прежде!

ОФЕЛІЯ.

Я вѣрила этому, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Напрасно, потому, что добродѣтели неприживаются къ спарому дереву — прошедшаго нѣтъ болѣе — я не любилъ тебя!

ОФЕЛІЯ.

Я ошибалась....

ГАМЛЕТЪ.

Удались отъ людей, Офелія! Къ чему умножать собою число грѣшниковъ? Вотъ я еще порядочный человекъ, а готовъ обвинить себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше неродиться! Я гордъ, мститель, честолюбивъ, готовъ на зло, и шолько воли у меня недоспаетъ сдѣлать все злое, что могу придумать злаго. Что изъ этого человека, который ползетъ между небомъ и землею! Мы все бездѣльники, все — никому невѣръ. Удались отъ людей! Гдѣ швой ошецъ?

ОФЕЛІЯ.

Дома, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Запри за нимъ двери и невыпускай его — пусть онъ дурачится дома. Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Милосердый Боже! помоги ему.

ГАМЛЕТЪ.

Если ты пойдешь за-мужъ, я дамъ тебѣ въ приданое вотъ какое проклятіе: будь бѣла, какъ снѣгъ, будь чиста, какъ ледъ — людская клевета очернитъ тебя. Удались отъ людей, либо выходи за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Прочь отъ людей — поскорѣе! Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Исцѣлите его, силы небесныя!

ГАМЛЕТЪ.

Я знаю, какъ вы себя раскрашиваете. Богъ даетъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себя другое — вы плясаете, прыгаете, злословите, и будто все по незнанію. Прочь — ни слова болѣе — это свело меня съ ума! Никому не женишься болѣе; кто женился — пусть живетъ — кромѣ одного.... Удались отъ людей!

(уходитъ).

ОФЕЛІЯ (одна).

Какой погибъ великій человекъ,
 Надежда царства, честь его, утѣха!
 Погибъ, погибъ! И мнѣ судьба велѣла,
 Мнѣ, пламенной любви его предмету,
 Мнѣ видѣть обезумѣвшимъ его —
 Что былъ онъ, и что спалъ, о Боже!

КОРОЛЬ и ПОЛОНИЙ входящъ.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! это не любовь, и то, что говорилъ онъ,
 Какъ ни было нескладно — не безумство!
 Въ душѣ его шанся что-то, и его печаль
 Скрываетъ гибель; мы должны ее предупредить.

Такъ, рѣшено — онъ въ Англію поѣдетъ;
 Тамъ данн требовать мы поручимъ ему,
 И, можешь быть, прогулка, развлеченье,
 Разсѣюшъ грусть его, умъ возвращающъ ему.

Какъ думаешь объ этомъ ты, Полоній?

ПОЛОНИЙ.

Мнѣ кажется, что вы придумали прекрасно.
 Но все увѣренъ я — его безумству
 Любовь была началомъ. Намъ неужно,

Офелія, рассказывать, что было
 Говорено Гамлетомъ — мы все слышали ошшуда.
 Извольте поступать, мой повелитель,
 Какъ угодно будешь — мой совѣтъ:
 Послѣ комедіи звать Принца къ Королевѣ,
 И пусть она его распроситъ. Между тѣмъ,
 Когда позволите, я разговоръ услышу,
 Я спрячусь тамъ, и если ничего
 Мы неощкроемъ, въ Англію погда
 Ошправьте Принца, или заключите,
 Куда почтешъ приличнымъ ваша мудрость.

КОРОЛЬ.

Да, мы увидимъ — надобно рѣшиться.
 Безумцу сильному опасно дать свободу.

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Другая зала во дворѣ).

ГАМЛЕТЪ и НѢСКОЛЬКО АКТЕРОВЪ входящъ.

ГАМЛЕТЪ.

Говори все это просто, свободно; руками
 неруби воздуха, и въ самой спрасни соблю-
 дай мѣру и умѣренность, да и непереслащи-

вай. Такъ дѣлай, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствію, а дѣйствіе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы: предсавь добродѣтели въ ея истинныхъ чертахъ, а пороки въ его безобразіи. Идише и будише гостовы.

(Актеры уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(Полонію, который входитъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ).*

Ну, что? Угодно-ли Королю быль въ комедіи?

ПОЛОНІЙ.

Да, и Королева, и вся свита ихъ будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ велико-же имъ пригошовишься поскорѣе.

(Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(входящему Горацію).*

А, это ты, Гораціо!

ГОРАЦІО.

Меня вы звали.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я хочу пошребовать услуги,
И отъ тебя, Гораціо, да отъ тебя.

ГОРАЦІО.

Любезный Принцъ!...

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я нелѣшу тебѣ —

И изъ чего я стану льстить? Ты бѣдѣнь,
Незнаменъ ты. Предъ богачемъ и знающимъ
Людей кофта гнуся, съ языка
Медъ каплетъ — я за то тебя люблю,
Что ты шерсть умѣешь. Въ счастьи,
Въ несчастьи равень ты, Гораціо!
Я въ сердцѣ дамъ приюстъ шакому челоуку.
Но, довольно. — Здѣсь комедію предсавишь;
Въ одномъ явленіи здѣсь изобразяшь,
Точь въ шочь, смерть моего ошца. Мой другъ!
Прошу тебя — когда явленіе это будетъ,
Внимательно ты наблюда за дядей,
За Королемъ — внимательно, прошу.
Когда въ минушы эти онъ обнаружитъ
Смяшенія — призракъ; былъ проклятый адскій духъ;
Онъ искушалъ меня; на пресупленіе
Меня онъ велъ! Внимательно, мой другъ!
Я глазъ моихъ неопведу отъ дяди,
И мы увидимъ —

ГОРАЦІО.

Ни одно движеніе

Его нескроешь отъ наблюденія моего.

ГАМЛЕТЪ.

Идушъ! Мнѣ беззаботнымъ должно показаться,
А ты, Гораціо, наспражу — спупай!

(МАРШЪ. КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕ-
ЛІА, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИ-
ДВОРНЫЕ И ПРИДВОРНЫЯ.)

КОРОЛЬ.

Здоровъ-ли, любезный нашъ Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Превосходно! Какъ хамелеонъ, я живу возду-
хомъ и шлошью ошъ обѣщаній. Ваши каплуны
похудѣли-бы ошъ эшого.

КОРОЛЬ.

Я непонимаю шебя, Гамлешъ. Эшо не мой
языкъ.

ГАМЛЕТЪ.

И не мой. (Полонію) Кажешся, Полоній, ты
игрывалъ комедіи? Въ универсипешъ?

ПОЛОНІЙ.

Да, Принцъ, и слылъ добрымъ акшеромъ.

ГАМЛЕТЪ.

А что ты игралъ?

ПОЛОНІЙ.

Юлія Цезаря. Меня зарѣзалъ Брушъ въ Капи-
шоліи.

ГАМЛЕТЪ.

Наспоящій былъ онъ Брушъ, когда успѣлъ
зарѣзашъ такого капишального шеленка! Ну,
что наши актеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Они ждушъ повелѣнія начашъ.

КОРОЛЕВА.

Сядь подлѣ меня, любезный Гамлешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣшъ, маменька — шупъ ешъ магиишъ, ко-
шорый шянешъ меня къ себѣ.

ПОЛОНІЙ (Королю).

Замѣчайше!

ГАМЛЕТЪ (сидитъ у ногъ Офеліи).

Можно-ли прикоснушся къ вашимъ кола-
намъ?

ОФЕЛІА.

Нѣшъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

То-ешъ, головой шолько!

ОФЕЛІЯ.

Можно, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А вы, ужь Богъ знаетъ что подумали!

ОФЕЛІЯ.

Я ничего недумаю, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А какое наслажденіе покоиться на колѣняхъ прелесной дѣвушки?

ОФЕЛІЯ.

Что вы хотите сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего.

ОФЕЛІЯ.

Вы веселы, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Кшо? Я?

ОФЕЛІЯ.

Да, вы, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я иду въ ваши шушмы. Чего лучше какъ не веселишься? Посмотри на мамъ мою — какая она веселая. А отецъ мой умеръ за два часа —

ОФЕЛІЯ.

Развѣ за два мѣсяца.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ давно уже? Хорошо—я самъ ношу прауръ попому, что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! Два мѣсяца и еще не забылъ! Спало быль можно надѣяться на полгода людской памяти, а памъ—все равно, что человекъ, что овецка —

Схоронили,
Позабыли!

(Трубы. Поднимается занавѣсъ внутри театра. Пантомима. Король и Королева входят; пѣсное прощанье; онъ ложится отдыхать; входит злодѣй, беретъ его корону и вливаетъ ему ядъ въ ухо. Является опять Королева; видитъ, что Король мертвъ; плачетъ. Злодѣй утѣшаетъ ее. Уноситъ тѣло Короля. Злодѣй предлагаетъ Королеву свою руку и корону. Она принимаетъ то и другое; весело уходитъ. Трубы).

ОФЕЛІЯ.

Что это такое, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чего опъ людей ждашь! Какая нибудь мерзость!

ОФЕЛІЯ.

Но, вѣроятно, это показываетъ содержаніе комедіи?

(Входитъ Актеръ).

ГАМЛЕТЪ.

А вошъ эпошъ молодецъ намъ расскажешъ.
Вѣдь эпо *Прологъ*.

АКТЕРЪ (зрителю).

Для нашего представленія

Просимъ вашего снисхожденія.

Непошеряйте терпѣнія.

(кланяется и уходитъ).

ГАМЛЕТЪ.

Понятно-ли?

ОФЕЛІЯ.

Нѣшъ! эпо очень коропко.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ женская любовь.

КОМЕДІЯ, КОТОРУЮ ИГРАЮТЪ АКТЕРЫ. Вхо-
дятъ КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА.

КОРОЛЬ.

Уже въ шридцашый разъ свершили кони Феба
Свой круголѣтній бѣгъ въ поляхъ лазурныхъ неба,
И шридцашъ разъ звѣзда ночей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцашъ мѣсяцовъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ Любви и Гименея
Сердцами сѣдинилъ, какъ шоки водъ Алфея
Со Арешузой въ одно сѣдинены.

КОРОЛЕВА.

Да будущъ шридцашъ лѣтъ еще совершены,
Пока въ любви своей мы узримъ измѣненіе.
Но душу грустное мрачитъ мнѣ подозрѣніе:
Съ печалью вижу я, смущенная душой,
Что скорбью тайною супругъ проникнуть мой.
Слабѣешь ты — прости, что радость возмущаю —
Опъ сильная любви сильнѣй я спрахъ питаю,
И невниманіе могло-бы показать,
Что сильный огонь любви перестаетъ пылать.
Я каждый мучусь день шревогой роковою,
И эпо горести и слезъ моихъ виною!

КОРОЛЬ.

Увы! что дѣлать мнѣ! Прости, дражайшій другъ!
Я чувствую въ крови дряхлѣнія недугъ.
Разспашся должно намъ, и скоро — кто узнаешъ!
Переживи меня. Пусшь радость обихаетъ
Съ тобой, и пусшь себя вшоричная любовь
Счастливишь. . . .

КОРОЛЕВА.

Что ты рекъ! Заспыла въ жилахъ кровь
Опъ словъ ужасныхъ сихъ! — Пускай небесны громы

Казнятъ преступницу, злой Фуріей несомы,
 Когда въ другой любви я счастье обрѣту!
 Убійство легче мнѣ....

ГАМЛЕТЪ (*Офеліи*).

Эпо кажется ей горьче полыни.

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Я казни ненайду,
 Которой-бы ошмысиль за то довольно было,
 Когда-бъ вмѣсто тебя другаго я любила,
 И все равно, когда-бъ къ другому духъ пылалъ,
 Что въ грудь твою вонзилъ блистающій кинжалъ...

КОРОЛЬ (*на сценѣ*).

Пріямна рѣчь твоя и искренна, я вѣрю;
 Но кто исчислишь намъ отъ времени поперю?
 И замысль смершнаго и памяшь — все мечта!
 Сначала шверды споль, потомъ — о суесть!
 Плодъ зрѣлый падаетъ однимъ прикосновеньемъ,
 И человекъ, увы! скрывается забвеньемъ.
 Чѣмъ радость пламеннѣй, сильнѣе тѣмъ печаль,
 И слезы, падая на времени скрижали,
 Отъ дуновения Самуриа исчезающъ.
 Чего супруги намъ, чего необъщаютъ!
 И ты, подруга дней счастливейшихъ моихъ,
 Коль я умру....

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Пускай тогда лучей дневныхъ,
 Мой неувидишь взоръ, печальный и смятенный,
 Пусть буду въ вѣкъ сирадашь, безславной и презрѣнной,
 Пусть жизнь моя печетъ, какъ тинистый пошокъ,
 Пускай сираданія сберетъ жестокий рокъ,
 Всего лишивъ меня, и самыя надежды,
 Когда печальныя покину я одежды,
 И къ алтарю съ другимъ супругомъ подойду!

ГАМЛЕТЪ (*Офеліи*).

Что если она солжеть?

КОРОЛЬ (*на сценѣ*).

Се кляшвы страшныя! Спрашисъ навлечь бѣду!
 Но, чувствую, покой мнѣ сладокъ вождельный,
 И я здѣсь отдохну, дражайшій другъ, безцѣнный!

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Спокойся, мой супругъ, на подкрѣпленье силъ.
 О еслибъ никогда насъ рокъ неразлучилъ!

(*Король ложится и засыпаетъ. Королева уходитъ*).

ГАМЛЕТЪ (*Королеву*).

Какъ вы находите комедию, Королева?

КОРОЛЕВА.

Мнѣ кажется, она слишкомъ много надавала
 общаній.

ГАМЛЕТЪ.

О, да, вѣдь она ихъ сдержитъ!

КОРОЛЬ.

Извѣстно-ли шебѣ содержаніе комедіи? Нынѣ-
ли шумъ чего нибудь оскорбительнаго?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего, ничего! Тушь немножко ошарива-
ютъ, шакъ для шушки!

КОРОЛЬ.

А названіе какъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мышеловка. Почему? спросите вы. Эшо ри-
сторическая фигура, мешафора. Представляется
убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи.
Сшарика зовутъ Гонзаго, а Королеву Бап-
тиста. Вы шопчасъ увидите — самое гадкое
дѣло, да что намъ до эшого? У васъ и у меня
совѣсть чиста, и до насъ дѣло некасается.
Кричи шопъ, кого эшо щекочешъ.

(на сцену выходитъ злодѣй).

А, вошъ и молодецъ явился! Эшо Луціанъ,
племянникъ сшараго Короля.

ОФЕЛІЯ.

Вы, какъ суфплеръ, все знаете.

ГАМЛЕТЪ.

Хошите, я перескажу, какъ любовница обма-
нываетъ своего любовника, будно мимохо-
домъ?

ОФЕЛІЯ.

Эшо колко, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Да, вѣдь я шолько царапаю — другіе рѣжутъ.

ОФЕЛІЯ.

Ваши рѣчи загадка.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ выборъ мужей дѣвушками. Да, что-жъ
злодѣй-шо неначиваетъ?

И врана крикъ зловѣщій раздается,
И мщеніе злодѣю онъ зоветъ!

АКТЕРЪ (на сценѣ).

Благопріятный часъ, кипяцій ядъ готовъ:

Изъ шравъ зловредныхъ, самъ собиралъ я средь лу-
говъ,

Гекаша адская мнѣ зелья указала,

И на погибель ихъ измѣна заклинала.

Волшебный ядъ! спѣши докучну жизнь пресѣчь,

И порази его, какъ будно вражій мечъ!

(Вливаетъ ядъ въ ухо сплщаго Короля).

ГАМЛЕТЪ.

Онъ отправляетъ его, пока шомъ спалъ въ саду, чшобы завладѣвъ его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это былъ—я самъ чиналъ ее по-Итальянски. Вы поипчасъ увидише, какъ убійца успѣетъ овладѣвъ сердцемъ вдовы опраравленнаго Короля.

(Король остается съ своего мѣста въ смущеніи. Общесмятеніе).

ОФЕЛІЯ.

Король вспаелъ съ своего мѣша!

ГАМЛЕТЪ.

Чшо онъ? Испугался чего нибудь?

КОРОЛЕВА.

Чшо съ шобою сдѣлалось, мой супругъ?

ПОЛОНІЙ.

Прекрашите комедію!

(Занавѣсъ надъ сценою закрывается).

КОРОЛЬ.

Посвѣишите мнѣ—пойдемъ!

ПОЛОНІЙ.

Огня, огня, огня!

(Всѣ въ безпорядкѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо).

ГАМЛЕТЪ *(оскакивал)*.

Оленя ранниа сшрѣлой —

Тошъ охаетъ, другой смѣется;

Одинъ хохочетъ — плачь другой,

И шакъ на свѣшъ все ведется!

За эши спихи, споишъ шолько одѣшся въ плашье комедіанша, меня примушъ въ лучшіе акшеры!

ГОРАЦІО.

На половинное жалованье?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣшъ! на полное!

Былъ у насъ въ чесши немалой

Левъ, да часъ его пришелъ —

Счасье львиное пропало,

И шеперь въ чесши.... пѣшухъ!

ГОРАЦІО.

Послѣдняя риѣма негодилъся, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О добрый Гораціо! шеперь слова привидѣніа я гомовъ покунашъ на вѣсъ золоша! Замѣшилъ ли шы?

ГОРАЦІО.

Очень замѣшилъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Только что дошло до оправленія....

ГОРАЦІО.

Это было слишкомъ явно!

ГАМЛЕТЪ.

Ха, ха, ха! Эй, музыканшовъ сюда, флейщиковъ!

Когда Король комедій неполюбилъ,

Такъ онъ—да, просто, онъ комедіи нелюбилъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

ГАМЛЕТЪ.

Эй, музыканшовъ сюда!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Позвольте, Принцъ, сказать вамъ нѣсколько словъ.

ГАМЛЕТЪ.

Извольте — хоть цѣлую испорцію!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Король. . . .

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что Король?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Онъ удалился отсюда, и теперь —

ГАМЛЕТЪ.

Пьянъ?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣтъ, Принцъ, разгнѣванъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы поступите умно, когда посовѣтуетесь съ его лекаремъ. Можетъ быть, если я примусь лечить его, ему еще хуже сдѣлается.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Прошу васъ, Принцъ, разговаривать порядкомъ, и не удаляться отъ дѣла.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо. Говорите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Королева, родительница ваша, глубоко огорченная, послала меня къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, добро пожаловать!

Гильденштернъ.

Эпо привѣстствіе совѣтъ не кспаша, Принцъ. Если вамъ угодно опвѣчашъ мнѣ благоразумно, я исполню препорученіе вашей родительницы, а не по — извинише — я уйду, и пѣмъ все кончипсея.

Гамлетъ.

Но, видише, я немогу.

Гильденштернъ.

Чего неможете, Принцъ?

Гамлетъ.

Опвѣчашъ вамъ благоразумно. Мой умъ боленъ. Но шакой опвѣшъ, какой я могу, полько прикажише — если вамъ, или мапери моей угодно, къ услугамъ вашимъ. Да, что до эпого! Маменька моя, говорише вы —

Гильденштернъ.

Она изволила сказаъ мнѣ, что ваше спранное поведеніе изумляешъ и удивляешъ ее.

Гамлетъ.

О, шакъ я чудный смнъ, если могъ удивишъ машъ свою! Но за ея удивленіемъ небыло-ли еще чего нибудь? Продолжайше.

Гильденштернъ.

Она желаешъ говоришъ съ вами, и просишъ васъ пожаловаъ къ ней.

Гамлетъ.

Повинуюсь, шакъ повинуюсь, какъ будшо она десять разъ родила меня. Чшо еще вамъ опъ меня угодно?

Розенкранцъ.

Принцъ! прежде вы любили меня.

Гамлетъ.

Бездѣльникъ буду, если и шеперь нелюблю.

Розенкранцъ.

Чшо-жъ такое причиною вашего разспройсхва? Недовѣряя печали вашей дружбѣ, вы зашворяете дверь вашему выздоровленію.

Гамлетъ.

Видише: меня непускаюшъ впередъ.

Розенкранцъ.

Какъ шакъ, Принцъ, когда вы наслѣдникъ послѣ вашего дяди!

Гамлетъ.

Такъ, правда! Но, «пока правка подрастетъ, воды много ушечетъ» — эша поговорка немного заплѣсневѣла....

(Входятъ музыканты).

Ахъ! вошъ и флейщики! Подай мнѣ швою флейшу. (*Гильденштерну*) Мнѣ кажется, будно вы слишкомъ гоняешься за мною?

Гильденштернъ.

Повѣрьте, Принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ Королю.

Гамлетъ.

Я что-то несовсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ чтонибудь (*подаетъ ему флейту*).

Гильденштернъ.

Немогу, Принцъ.

Гамлетъ.

Сдѣлай одолженіе!

Гильденштернъ.

Право, немогу, Принцъ!

Гамлетъ.

Ради Бога, сыграй!

Гильденштернъ.

Да, я совсѣмъ неумѣю играть на флейтѣ.

Гамлетъ.

А это такъ-же легко, какъ лгать. Возьми флейшу такъ, губы приложи сюда, пальцы сюда — и заиграешь.

Гильденштернъ.

Я вовсе неучился.

Гамлетъ.

Теперь суди самъ: за кого-же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вошъ, неумѣешь сыграть даже чегонибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, просишь, нежели эта флейша? Считай меня чѣмъ тебѣ угодно — ты можешь мучить меня, но не играть мною!

(*Полоній выходитъ*).

Мое глубокое почтеніе!

Полоній.

Королевъ угодно говоритъ съ вами, и немедленно.

Гамлетъ (*смотря къверху*).

Что это такое? Точно облако, и какъ похоже на верблюда!

Полоній (*глядитъ*).

Да, Принцъ, и на верблюда ужасно походишь!

Гамлетъ.

Охъ! нѣтъ бишь — на хорька! Не правда-ли?

Полоній.

Позвольте. Въ самомъ дѣлѣ — почный хорекъ!

ГАМЛЕТЪ.

А я такъ думаю, что эшо кипитъ!

ПОЛОНІЙ.

Дайше разглядѣшь. Ахъни, и въ самомъ дѣлѣ — поршрешъ кипа!

ГАМЛЕТЪ.

Скажише Королевѣ, что я шопчасть приду. Уйдши ошъ нихъ — съ ними задурачишься нешущи, въ самомъ дѣлѣ — иду, скажише Королевѣ.

ПОЛОНІЙ.

Исполню.

(Уходитъ).

ГАМЛЕТЪ.

Исполнишь! Да, легко сказать! — Друзья, проснише!

(Идетъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ. Гамлетъ возвращается.)

Теперь настала волшебный ночи часъ.

Съ кладбищей мершвецы въ разбродѣ. Адъ,

Адъ ужасами дышитъ — часъ настала упишья кровью,

И совершитъ дѣла, кошорыхъ день

И видѣшь непосмѣешь! — Тише — къ ней иду!

Сердце! напоминай мнѣ, что я сынъ —

Жестокимъ, но не извергомъ я буду —

Я уязвляю ее словами — мечъ мой — нѣтъ!

Неподыму руки моей на мамъ!

Что демонъ злобы ни шепчи —

Душа! несоглашайся рѣчь его исполнишь!

(уходитъ).

КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Входящъ.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! кончивъ должно, и безуміе его
Опасно намъ спановишся. Готовы будыше.

Я васъ немедленно ошправляю съ нимъ,

И въ Англію его вы увезете.

Мнѣ долгъ владыки непозволишь больше

Терпѣшь его зловреднаго безумства,

Ташъ змѣю за пазухой. . . .

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы поспѣшимъ,

Мы долгомъ нашимъ почишаемъ — все на жершву

Принесъ за Короля.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Простолюдинъ обязанъ защищашья,

Но съ жизнью Королей съединена

Жизнь государства, и мы жизнь свою положимъ

За безопасность вашу.

Король.

Приготовьтесь

Скорѣй, я васъ прошу, къ отъѣзду — должно
Остановить грозящую опасность.

(Розенкранцъ и Гильденштерн уходятъ).

Полоній (выходитъ).

Онъ къ мащери придетъ, и за коврами
Я спрячусь шамъ, и разговоръ услышу.
Она его, конечно, побранишь —
Но, какъ изволили сказать вы, и сказать премудро,
Тутъ посторонній долженъ быть, и слышать
— Мать, женщина, умѣешь-ли быть строгой! —
Слышай весь разговоръ. Пошомъ почту я долгомъ
Вамъ обо всемъ подробно донести,
Все что услышу, все —

Король.

Благодарю.

(Полоній уходитъ).

Король (одинъ).

Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,
Достигъ небесъ. Ужасно преступленье,
Мной совершенное — первоначальный грѣхъ —
Злодѣйство Каина — убійство брата!
Я немогу молиться, хоть порывы

Раскаянья перзаютъ душу мнѣ —
Вина моя раскаянья превыше,
И будно человекъ двойнымъ обѣтомъ,
Я связанъ, раскаянемъ, грѣхѣмъ — я связанъ,
И неподвиженъ, и незнаю чпѣ начать!
Но если-бы моя проклятая рука
И болѣе была покрыта кровью брата,
Уже-ли чпѣ омышь ее росы небесной
И убьешь быль снѣга? И прощенье для чего,
Когда оно въ борьбѣ съ грѣхомъ небудетъ?
И для чего молишь? Зло предупредить,
И — смышь его, когда оно свершилось!
Осмѣлимся — подыдемъ взоры къ небу —
Грѣхъ совершенъ! Но какъ молишься мнѣ?
Какую Богъ вонмешь молитву? Какъ молишься:
Проси убійцъ? — Нѣтъ! я обладаю всѣмъ,
Что принесло мнѣ страшное убійство —
Короной, почестями, Королевой....
Простившись-ль грѣхъ, когда я въ немъ косвѣю?
Передъ людьми, предъ ихъ судомъ ничтожнымъ,
Рукою позлащенной, преступленье
Остановивъ легко дерзаетъ судъ
И подкупить законъ — по тамъ не такъ!
Нѣтъ подкупа, и страшно преступленье
Передъ судомъ стоить обнажено!
Что-жъ дѣлать мнѣ? Что оспается мнѣ?

Что можешь покаянье? Но — чего оно не можешь?
 Все, если можешь человекъ покаяться....
 О мысль спасенья! О совѣсть черная моя!
 Душа преступная, въ болото
 Грѣховъ погрузившая, чѣмъ стремишься больше
 Изникнуть, шѣмъ спрашиваешь шонепъ.... Помогите
 Миѣ, Ангелы! молишву вашу испытайте!
 Гнишесь, коѣна непреклонная! Ты, сердце,
 Размягчись, какъ у едва рожденного младенца!
 Богъ милосердъ.

(Онъ медленно склоняется на колѣни, и погружается въ задумчивость).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ тихо).*

Теперь его ошправивъ — легко — онъ молился —
 Теперь его ошправивъ —

(вынимаетъ кинокалѣ).

И съ молишвой

Погибнешъ онъ. Ошмщенье-ль эшо будешъ?
 Ошпановись, подумай. Твоего ошца
 Зарѣзалъ онъ. Ты, сынъ, шы, мшишешь смерти,
 Въ раскаяньи засмалъ его, и смерть шеперь
 Ему благодѣянье, но не мщенье будешъ —
 Нѣтъ! не мщенье!...

Онъ браша погубилъ въ грѣхахъ,
 Въ беспечномъ усыпленьи чувшва,
 И шляжекъ былъ погибшему разсечешъ.

Ошмщу-ли я, когда молишвой онъ
 Гошовъ на пущь далекій, невозвратный?
 Нѣтъ! нѣтъ!

(олазаетъ кинокалѣ въ пошвы).

Въ нѣжны, мшишешь! Твой ударъ ужасенъ будешъ.
 Когда его заспану пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
 И въ нечесливомъ пиршесивѣ грѣха,
 Въ игрѣ, въ божбѣ, въ такомъ души порывѣ,
 Когда погибелъ за могилою вѣрна.
 Тогда — ударъ его повергнешъ вверхъ пяшамъ,
 Чшобъ съ кровью черною, душа его упала
 Въ адъ, шемный, какъ грѣхи его шемны!
 Мамъ ждешъ меня — живи, но безъ надежды,
 Чшобъ жизнь швоя продлилась — шы мершвецъ!

(уходитъ).

КОРОЛЬ.

Слова на небо — мысли на землѣ!

Безъ мысли слово недослупно къ Богу!

(уходитъ поспшнно).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комнаты Королевы).

КОРОЛЕВА и ПОЛОНІЙ.

Полоній.

Онъ явился немедленно. Съ нимъ будьте строги;
Скажите, что его безуміе несносно;
Скажите, что одинъ лишь просьбы ваши
Гнѣвъ Короля утишили. Несмѣю больше
Совѣтовать, но твердость въ дѣлѣ эгомъ
Необходима —

КОРОЛЕВА.

Положись на меня.

Я знаю, что мнѣ говоришь — уйдише — это онъ!

(Полоній прячется за дверь).

ГАМЛЕТЪ (входитъ).

Что вамъ угодно, мать моя? Скажите.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

КОРОЛЕВА.

Ты говоришь со мной, какъ сумасшедшій.

ГАМЛЕТЪ.

А вы со мной, какъ злая мать!

КОРОЛЕВА.

Что говоришь ты, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что угодно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ты позабылъ, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! позабылъ, клянусь!

Вы Королева, вы супруга дяди,

И — о за чѣмъ мнѣ должно досказашъ! —

Вы — мать моя

КОРОЛЕВА.

Я говоришь съ тобой заспавлю

Другихъ; они швое безумство укрощаютъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сядь, и ни съ мѣша

Ты несойдешь, пока шебъ я непредставляю

Такого зеркала, гдѣ всѣ души швоей язгибы

Наружъ будутъ!

КОРОЛЕВА.

Что ты дѣлаешь, мой сынъ!

Ты хочешь умершвишь меня.... О! помогите,
Помогите!

ПОЛОНІЙ *(за королею)*.

Помогите!

ГАМЛЕТЪ.

Что тамъ? Мышь!

(Она ударяетъ инаго со к. ссѣ).

Убить! Червонецъ обѣ закладъ — убить!

ПОЛОНІЙ.

Охъ! умираю!

(падаетъ).

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что ты сдѣлала, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Что? Незнаю!

Король?

(подымаетъ корою и вытаскиваетъ труну, Полонія).

КОРОЛЕВА.

О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? — Чѣмъ же, мамейка, обѣ хуже

Того — убить супруга и съ убійцей обвиняться?

КОРОЛЕВА.

Убьешь супруга!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я говорю тебѣ — убить!

А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Просни меня —

Я думала, что, шутъ спрятался другой, умнѣе —

обвинилъ

Судьбу свою — ты видишь, что услуга

Другимъ не безъ опасности бываетъ....

За чѣмъ ломать такъ руки? Успокойсь, сидѣй —

Я сердце ваше изломаю — я расшевелию его,

Когда оно еще невовсе стало камнемъ,

И навкомъ на зло необрашилось въ снать,

Когда ему доступно хоть одно,

Какое нибудь чувство....

КОРОЛЕВА.

Что я сдѣлала такое,

За что ты такъ жестоко ко мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такое дѣло,

Которымъ погубила скромность ты!

Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство — цѣльнъ
любови

Ты обила смертельнымъ ядомъ — кляшву,
 Предъ алшаремъ тобою данную супругу,
 Ты въ кляшву игрока преобратила —
 Ты погубила вѣру въ душу человѣка —
 Ты посмѣялась святости закона,
 И небо опъ твоихъ злодѣйствъ горнищъ!
 Да, видишь-ли, какъ все печально и уныло,
 Какъ будно наступаетъ страшный судъ!

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что такое, говори? Что хочешь
 Ты высказать въ безумномъ изступленнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ они, вотъ два поршрета — посмотри:
 Какое здѣсь величье, краса и сила,
 И мужество и умъ — таковъ орелъ,
 Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
 Направилъ — совершенство Божьяго созданья —
 Онъ былъ твой мужъ! — Но, посмотри еще —
 Ты видишь-ли праву гнилую, зелье,
 Сгубившее великаго — взгляни, гледи —
 Или спящая ты была, когда
 Въ болото смрадное развратъ пала?
 Говори: спящая ты была?
 Непомниай мнѣ о любви: въ твои лѣта

Любовь уму послушною бываетъ —
 Гдѣ-же былъ твой умъ? Гдѣ былъ разсудокъ?
 Какой-же адскій демонъ овладѣлъ
 Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ — зрѣньемъ просто?
 Стыдъ женщины, супруги, мащери забылъ...
 Когда и старость падаетъ такъ спрашно,
 Что-жъ юноши осталось? Спрашно,
 За человѣка спрашно мнѣ!...

КОРОЛЕВА.

Мой сынъ!

Ты очь обратилъ мнѣ внутрь души,
 И я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ,
 Въ такихъ смертельныхъ извахъ — нѣтъ спасенья!

ГАМЛЕТЪ.

И для чего-жъ ты поддавалась пороку,
 Любви искала въ безднѣ преступленья?

КОРОЛЕВА.

Ахъ! замолчи! Какъ острые пожи,
 Слова твои мнѣ сердце расперзали!
 Умолкни, Гамлетъ, милый сынъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убийца,

Злодѣй, рабъ, шуишь въ коронѣ, воръ,
 Укравшій жизнь, и брашнюю корону

Тихонько ушавившій подъ полой,
Бродяга....

КОРОЛЕВА.

Ахъ! ни слова больше, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

И злодюю ты могдѣ....

(Тѣнь отца входитъ).

Спасите ,

Крылами вашими меня закройше,
Вы Ангелы небесъ.... Скажи, чего ты хочешь,
Сстрадалецъ ?

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или явился ты

Упреками осыпашъ сына

За медленность его въ опмщенъи? Говори!

(молчаніе).

Что съ вами Королева ?

КОРОЛЕВА.

Что съ тобой, Гамлетъ?

За чѣмъ швой взоръ блуждаетъ въ пустошъ?

Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухъ пустошь?

И вся душа въ швой переселилась очн,
И дыбомъ волосы швой. Мой милый сынъ,
Ушишь порывы чувствъ. Кого ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смогри, какъ блѣденъ онъ!

Его ужасное явленье

И въ камень чувства передастъ!

Нѣтъ! несмогри такъ грустно и печально,

Поколебашъ мою рѣшимость можешь ты,

И я не кровью стану мстившъ — слезами!

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Или ты невидишь?

КОРОЛЕВА.

Я никого невижу, хоть и вижу все.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего неслышишь?

КОРОЛЕВА.

Ничего.

ГАМЛЕТЪ.

Гляди, гляди — вошъ онъ, опецъ мой, онъ,

И какъ живой! Гляди — вошъ онъ уходитъ —

Ушелъ....

(Тѣнь уходитъ).

КОРОЛЕВА.

Мечта воображенья, сынъ мой!

Ты забываешься и видишь привидѣнья!

ГАМЛЕТЪ.

Мечта?

Но пульсъ мой бьется такъ-же

Какъ у тебя — я вижу, слышу — мой разумокъ

Со мной — я расскажу тебѣ слова его,

А можешь-ли безумный рассказать

Въ порядкѣ, стройно? Это-ли безумство?

Мать, мать моя! непогуби спасеня

Души твоей коварной лестью, будто

Здѣсь говоришь безуміе мое,

А не твои грѣхи и преступленья!

Ты сердца ранъ неощущаешь, ты скроешь

Ихъ въ глубину души, и спрашно тамъ

Они сожгутъ ее мученьемъ ада!

Съ раскаяньемъ прибѣгни къ Богу — кайся,

Молись за прошлое, грядущаго спрашнись,

И ядъ безчувствія спрашнись счищать оспрадой!

Я умоляю, падаю къ ногамъ. . .

Въ развратный вѣкъ не преступленье,

Но добродѣтель, добродѣтель умолять должна

Прощенья въ томъ, что смѣешь возноситься

Молишвы голосъ за его спасенье!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ сердце!

ГАМЛЕТЪ.

Ошбрось его гнилую часть, ошбрось

И съ чистой половиною осянись!

Разстанься должно намъ.... Неоскверный

Себя прикосновеньемъ дяди!

И если ты недобродѣтельна — припворишь,

Припворишь, что добродѣтель любишь.

Чудовище привычка, но, добра-губитель

Намъ Ангеломъ-спасителемъ быть можетъ,

И къ добродѣтели насъ можетъ приучить.

Сегодня тяжко намъ бываешь воздержанье,

Но на другой день легче, и по малу

Къ добру оно насъ можетъ приучить!

Прощай — мнѣ моя, прощай! И если хочешь

Благословенія небесъ, скажи мнѣ —

Приду къ тебѣ просить благословенья!

(обращается къ Полонію).

А ты, пріятель, извини — мнѣ жаль себя.

Судьбѣ угодно было такъ, чтобы ты

Былъ мной наказанъ, а тобою я.

За смерть твою я буду ошвѣчать.

И разъ еще — о мать моя! Прости мнѣ —

Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,

Но я хотѣлъ, я долженъ быль таковъ,
 Чтѣбъ машери ошдашь вновь чувствиза чловѣка ...
 Да, слова два....

КОРОЛЕВА

Скажи, что дѣлаешь мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Что?... Ничего недѣлай, и не вѣрь
 Тому, что говорилъ я. Пусть Король
 Опяшь себя въ свои обѣщанья приметъ;
 Открой ему всю шайну; расскажи,
 Что не безумецъ въ самомъ дѣлѣ Гамлетъ.
 Но сумасшедшимъ шельмошкой пришеворился —
 И какъ-же вамъ, прекрасной, умной, доброй,
 Счастливой Королевѣ, не сказать
 Лешучей мыши этой, жабѣ,
 Совѣ полуночной, какъ не сказать всего?
 Такая вѣсть его обезопаситъ,
 Порадуешь — а тамъ, что пужды,
 Когда сама себя ты шею повихнешь!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! я клянусь тебѣ, что скрою все,
 Все, что ни говорилъ ты мнѣ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Извѣстно-ль вамъ? Я въ Англію поѣду—

КОРОЛЕВА.

Ахъ! я забыла.... Это рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Да, граматы уже готовы, и два друга,
 Которымъ я какъ ящерицамъ вѣрю,
 Сопровождаютъ меня назначены въ пущи
 И доведши до самой западни. Пускай —
 Счастливый пущь — поѣдемъ, поглядимъ,
 Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ —
 Противъ подкопа поведу подкопъ,
 И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
 Когда умы работаютъ людскіе
 На гибель друга, будто лютой звѣрь!
 А этого я спрячу молодца....
 Спокойной ночи!

Что ты молчаливъ,

Такъ скромно, такъ урюмо, скажи, пришелъ,
 Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
 Пойдемъ — съ тобой что много толковать!

(Тащитъ Полонія).

Спокойной ночи, Королева!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Королевскій дворецъ).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬ-
ДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

Есть причина этой скорби, эшихъ вздоховъ.
Я долженъ знать ее. Скажи мнѣ —
Гдѣ твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Оспавыте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Ахъ, Государь! ужасна эта ночь была!

КОРОЛЬ.

Чшъ, Гершруда? Чшо сдѣлалъ Гамлетъ?

КОРОЛЕВА.

Безумецъ, бѣшенъ, будшо буря въ спорѣ
Съ могучимъ океаномъ, и въ безуміи своемъ

Услышалъ онъ, что за ковромъ есть кто-то,
Мечъ выхватилъ, вскричалъ: «Мышь, мышь!»
И въ сумасшествіи ударилъ, и убилъ,
Безумецъ, нашего совѣтника и друга...

КОРОЛЬ.

Ужасно! Я могъ бышь шамъ, я могъ погибнуть!
Ему свободу дашь опасно, гибельно.
Тебѣ, мнѣ, всѣмъ опасенъ онъ.
Увы! кто отвѣчаетъ за эту кровь?
Мы — мы предвидѣшь-бы могли
И удаливъ должны-бы отъ людей
Безумца, но любовь къ нему шакъ велика,
Чшо мы забыли долгъ нашъ.
Такъ тяжкая болѣзнь кого перзаешь,
Спрашась послѣдствій, онъ ее шаштъ
И гибнешъ. Гдѣ-жъ теперь твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ пошацилъ убишаго Полонія.
Среди безумія, какъ искры злаша
Средь грубой смѣси рудъ — сверкающъ въ немъ
И умъ и сердце — онъ рыдаешъ — поздно!..

КОРОЛЬ.

Пойдемъ, Гершруда. Прежде чѣмъ лучи
Померкнушъ солнца на вершинахъ горъ,

Корабль къ его опъяду изгошоваѣтъ.
Его безумное убійство скроемъ мы.
Придумаемъ причины. — Гильденштерн!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Мои друзья! возьмите спражу. Гамлетъ
Убилъ Полонія въ безумномъ испугѣ
И утащилъ его бездушный трупъ.
Подите, поговорите съ нимъ, сыщите шло
И честному предайте погребенію —
Спѣшите —

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Я иду собрать совѣтъ,

Скажу что сдѣлалось, спрошу, какъ должно
Теперь намъ поступить, чтобъ клеветы
Такъ быстро пролетающая свѣтъ,
Какъ выстрѣлъ пушечный лепить до цѣли,
И оправляющая все въ пуши, на насъ
Ненанила-бы ядовитой мести,
Разсѣялась, исчезла. — Поспѣшимъ —
Душа моя полна тревоги и сомнѣній!

(уходитъ).

ГАМЛЕТЪ *(выбѣгаетъ)*.

Славно спрячана!

Розенкранцъ и Гильденштернъ *(за сценою)*.

Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Тише! Чшо за шумъ? На чшо вамъ Гамлета?
Они идутъ....

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Чшо сдѣлали вы, Принцъ, съ пѣломъ Поло-
ніа?

ГАМЛЕТЪ.

Опдалъ его роднѣ—землѣ опдалъ я его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ-же оно? Надобно взять его и похоро-
нить.

ГАМЛЕТЪ.

Невѣрите эшому.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Чему невѣрите?

ГАМЛЕТЪ.

Тому, чшо умѣя сохранять ваши тайны, я
неумѣю сохранить моихъ тайнъ. Чшо будетъ
опѣвчашъ сынъ Короля, если его спрашиваетъ
губка.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Развѣ я губка, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, губка, кошпоя впишываешъ въ себя милосши, ласки и власъ своего Короля. Но вы самыя лучшіе слуги для Королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочикъ. Чуть понадобится взятьъ обратно, что, чѣмъ вы напишались—васъ пожмутъ, и—вы сухи, какъ губка!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я васъ непонимаю, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ—дуракъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скажише, гдѣ положили вы пѣло, и попомъ пожалуйте къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣло бываетъ Королемъ, но Король недолженъ быть пѣломъ. Король есть нѣчто.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣчто, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или нѣчто. Пойдемъ къ Королю. Впередъ лисицы, а собака за ними.

(уходить).

КОРОЛЬ и ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Я звать его велѣлъ и ошылъ гдѣ прупъ.

Какъ спрашно оставялъ ему свободу!

Но строгій съ нимъ поступокъ неприличенъ.

Любимъ онъ глупою толпой народа;

Она безумно судитъ то, что видитъ,

И кто наказанъ, тошъ и правъ въ ея глазахъ,

Его вина забыта. Тихо, скромно все устроилъ

И ошѣздъ его внезапный показатъ

Необходимостью. Мы залу поможемъ зломъ,

Или ничѣмъ.

(Розенкранцъ входитъ).

Ну, что шакое, говорише?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ шѣло скрылъ онъ, Государь,

Мы немогли узнатьъ.

КОРОЛЬ.

Но гдѣ онъ самъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ здѣсь, подѣ спражею — ждемъ вашего приказа.

КОРОЛЬ.

Ввеси его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Введите, Гильденштернъ.

(вводятъ Гамлета).

КОРОЛЬ.

Ну, Гамлетъ — гдѣ же Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На ужинъ.

КОРОЛЬ.

Какъ на ужинъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, гдѣ не онъ ѣстъ, а его ѣдятъ. Къ нему собралось множество премудрыхъ червяковъ. Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для червяковъ: мы откармливаемъ живошныхъ, чтобы откормить себя, а себя откармливаемъ, чтобы откормить червяковъ. Король и нищій — что это такое? Два разные блюда для нихъ, и оба будутъ на одномъ столѣ — одинъ конецъ обоемъ!

КОРОЛЬ.

Великій Боже!

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ ловитъ рыбу на червяка, который, можешь быть, позавтракалъ Королемъ, и ѣстъ рыбу, которая позавтракала эшимъ червякомъ.

КОРОЛЬ.

Что хочешь ты сказать эшимъ?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего — я только хочу вамъ показанъ, что нищій можешь съѣсть Короля.

КОРОЛЬ.

Гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На небесахъ — пошлите справитесь. Если не найдушь тамъ, пошлите сыскаешь его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то черезъ мѣсяцъ, онъ скажется вамъ благоволеніемъ подъ лѣстницею галлерей.

КОРОЛЬ.

Поспѣшите шуда.

ГАМЛЕТЪ.

За тѣмъ сѣвшишь — онъ подождетъ.

*(Некоторые изъ придворныхъ уходятъ).*Гамлетъ! ^{*Решаю*} послѣ своего поступка,

Забоясь иужно о себѣ, сколь намъ ни скорбно,

Но долженъ ты скорѣе удалиться. Будь гошовъ.

Ужъ наряженъ корабль, гошовься ѣхать

Въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ! въ Англію?

КОРОЛЬ.

Да, Гамлеть.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо.

КОРОЛЬ.

Теперь тебѣ извѣстны наши мысли.

ГАМЛЕТЪ.

Да, ихъ слышишь Ангелъ небесный—но пакъ и бышь: поѣдемъ въ Англію. Проспите, милая маменька!

КОРОЛЬ.

Любящій тебя отецъ — хотѣлъ ты сказать, Гамлеть?

ГАМЛЕТЪ.

Мать—говорю я: отецъ и мать—мужчина и женщина, но оба вмѣстѣ одно — мать, добрая мать — поѣдемъ въ Англію.

(уходитъ).

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ; уговорите ѣхать;

Немедлите, чѣмъ ночь васъ незаснала здѣсь.

Пусть добрый. Все готово, что до вашего отъѣзда
Касается. Прошу васъ поспѣшить.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

А ты, о Англія! когда цѣнишь умѣешь
Мою пріязнь (ее ты оцѣнишь могла,
Почувствовавъ глубокіе удары
Меча, которымъ ты была поражена,
И данью покупая нашу дружбу),
Нехладнокровно ты услышишь просьбу
Мою, и граматы, врученныя Гамлешу,
Тебѣ покажутъ, что должна ты дѣлать —
Смерть Гамлешу! Будь, Англія, послушна,
Избавь меня отъ этой тяжкой язвы —
Пока онъ живъ — нѣтъ счастья для меня!

(уходитъ).

ПОСЛЫ ФОРТИНБРАСА.

Первый Посолъ.

Идите съ поздравленьемъ къ Королю.
Скажите, что его согласно воля,
Норвежскій Принцъ ждетъ съ войсками своими,
Что черезъ Данію ему пройти позволятъ,
И ежели Его Величеству угодно
Назначить намъ свиданье — пусть укажетъ мѣсто,
Нашъ Принцъ придетъ воздать ему почтение.

Второй Посолъ.

Исполню.

Первый Посолъ.

Миръ и тишину мы соблюдаемъ.

ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ
входятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что за народъ?

Посолъ.

Послы Норвежскаго владыки.

ГАМЛЕТЪ.

Но что-же вамъ угодно?

Посолъ.

Мы на Польшу

Идемъ, и просимъ позволенія перейти

Черезъ ваши области.

ГАМЛЕТЪ.

А вашъ начальникъ?

Посолъ.

Форшнбрасъ, Норвежскій Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что-жь? Всю-ли Польшу воевать,

Иль такъ клочекъ земли взять

Вы собрались?

Посолъ.

Сказать по правдѣ,

Мы бьемся за клочекъ земли, который

Неспойшь и пята червонцевъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что-жь? Его вамъ бросать и безъ драки.

Посолъ.

Напрошивъ — Поляки рѣшились драться.

ГАМЛЕТЪ.

Въ двѣ тысячи людей, да въ двадцать тысячъ

Червонцевъ, вамъ клочекъ земли придется —

Поздравить можно васъ съ завоеваньемъ.

Посолъ.

Желаемъ счастья вамъ.

(уходятъ Послы).

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Пойдемте, Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Идише, я за вами незамедлю.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Какъ все прошивъ меня возспало
За медленное мщенье!... Чпо шы, человекъ,
Когда шы только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь небольшие шы.
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, чпо мы
Прошедшее и будущее видимъ — Онъ не для шого,
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чшобъ погубили мы его безплодно.
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ,
И гибнетъ въ нерѣшимельной тревогѣ —
Три четверти здѣсь трусовши поспыдной
И только четверть мудрости свяшой.
Къ чему мнѣ жизнь? Твердишь: я долженъ сдѣлать,
И медлитъ, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненія! Вотъ примѣръ:
Здѣсь юный вожь ведетъ съ собою войско,
Могучее и сильное; вожь смѣлый,
Онъ все приносишь въ жершву чести, славы,
Все ошдаешь погибели и смерти.
И для чего? За чпо? Яичной скорлупы
Завоеваніе неспойшь. Честъ невелика,
Невелика и слава жершвовашъ собою
Ничтожному дѣяню. Но на чпо причина?

Ее дѣянья наши оправдають....

А я — отецъ убишь, безславы матери удѣлъ —
Какъ крови некипѣшь, уму неволновашься,
А я — бездѣйствую, когда на мой позоръ,
На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
И многіе незнають для чего идушь,
И тысячи бѣгутъ за шѣною славы,
И шой земли, за чпо они погибнушь —
На ихъ могилы мало!... Нынь! ошъ сей поры
Кровь будетъ мысль единая — нль вовсе
Во мнѣ небудетъ мысли ни единой!

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Комнаты Королевы).

КОРОЛЕВА и ГОРАЦІО.

КОРОЛЕВА.

Я нехочу съ ней говоришь!...

ГОРАЦІО.

Она васъ просишь,

Она достойна сожалѣнья.

КОРОЛЕВА.

Чпо могу я?

ГОРАЦІО.

Все объ ошцѣ швердишь она, швердишь, чшо люди
 Обманщики, рыдаешь и безумствуешь она.
 Безмысленныя рѣчи произносишь,
 Но онѣ глубоко западаютъ въ душу,
 Онѣ невольно заспавляютъ мыслишь.
 Ея печаль, ея движенія, взгляды,
 Все увѣряешь, чшо въ душѣ ея шаяшся
 Тоска глубокая, безумная печаль.

КОРОЛЕВА.

Да, я должна съ ней говорить. Она
 Опасныя возбудишь подозрѣнья
 И толки злыя — пусть войдетъ.

(Горацио выходитъ).

О преступленье! малая причина
 Тебя шревожишь, предвѣщая горе,
 И недовѣрчивость, сомнѣніе — невольно
 Разоблачаютъ черную порока шайну.

ОФЕЛІЯ *(объѣгалъ).*

Гдѣ, гдѣ она, прекрасная владычица?

КОРОЛЕВА.

Офелія! чшо, чшо съ шобою?

ОФЕЛІЯ *(постъ).*

Моего вы знали-ль друга?
 Онѣ былъ бравый молодецъ,
 Въ бѣлыхъ перьяхъ, спашимый воиномъ,
 Первый Даниа боецъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ, бѣдная Офелія! чшо ты поешь?

ОФЕЛІЯ.

Чшо я пою? Послушайте, какая пѣсня —

Но далеко, за морями,
 Въ сирашиной онѣ лежишь могилѣ;
 Холмъ на немъ лежишь шяжелый,
 Ложе — хладная земля!

КОРОЛЕВА.

Милая Офелія....

ОФЕЛІЯ.

Да, слушайте-же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
 Гробъ усыпали цѣшмами,
 И въ могилу опустили
 Со слезами, со слезами.

КОРОЛЕВА *(входящему Королю).*

Пожалуйте о бѣдняжкѣ, Государь, посмотри-
 те —

КОРОЛЬ.

Чшо ты, Офелія?

ОФЕЛІЯ.

А что я? Ничего. Покорно благодарю. Знаете-ли, что совушка была двушка, а пономъ спала сова? Ты знаешь что ны теперь, а не знаешь чѣмъ ны будешь. Здравствуйше! Добро пожаловашь!

КОРОЛЬ.

Бѣдная! Она неможесть забыть опца.

ОФЕЛІЯ.

Опца? Вошъ какой вздоръ—совѣмъ не опца, а видите что: она приняла на самомъ разсвѣтѣ Валентинова дня, и говоришь:

Милый другъ! съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ шайкомъ.
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь — здѣсь я, подъ окномъ!

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери расшворилъ,
Бышь ей вѣрнымъ спрашно каяся,
Обманулъ и — разлюбилъ!

КОРОЛЬ.

Полно, Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Да, онъ ее обманулъ—это ничего; да за чѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою
Друга сердцемъ полюбилъ —
Онъ смѣлся надо мною,
Что мнѣ дѣлалъ? Какъ мнѣ быль?

Другу дѣвица сказала:
«Ты всѣ кляшны измѣнилъ —
Я тебя забывала —
Ты за что меня забывалъ?»

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
«Кляшны мои я забывалъ —
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ — вѣдь я шутилъ!

КОРОЛЬ.

Давно-ли это съ ней сдѣлалось?

ОФЕЛІЯ.

Все это будетъ ладно, повѣрьте—только потерпите—а все мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю! Братъ все это узнаетъ, а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣ карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!...

(убѣгаетъ).

КОРОЛЬ.

Идите за ней, поберегите ее.

(Горацио уходитъ).

Печали ядъ ей душу отправилъ —
Опца погибель. Видишь-ли, Гершруда,

Вѣды неходящъ одиноко, но толпою:
 Погибъ Полоній, сынъ швой удаленъ —
 Безуміемъ онъ заслужилъ изгнанье —
 И вошь народъ волнуется, бунтуешь,
 Подозрѣваешь смерть Полонія и ропщешь.
 Напрасно скрыли мы его причину смерти!
 И вошь Офелія шеряешь разумъ,
 И что всего важнѣе — мнѣ извѣстно,
 Что брань ея сюда прѣхалъ тайно.
 Онъ злобой дышитъ, разсѣваетъ слухи,
 И мстить за смерть Полонія рѣшился,
 Насъ обвиняя въ гибели отца.
 О милая Гершпруда! тяжко сердцу
 Противостать столь бѣдственнымъ событіямъ!

(слышенъ шумъ).

КОРОЛЕВА.

Но что такое? Шумъ, смятеніе народа!

КОРОЛЬ.

Кто здѣсь? Спражи! охраняйше входъ!

(входитъ Гораціо).

Что за смятенье?

ГОРАЦІО.

Государь! простише —
 Какъ волны моря разъяреннаго спремятся,
 Такъ къ вамъ Лаершъ, съ толпой своихъ друзей,

Стремится въ ярости, съ мечами, и за нимъ
 Толпа безумная бѣжитъ, провозглашаетъ
 Лаерша имя. Миценья за отца
 Онъ требуетъ, онъ молитъ у народа!

КОРОЛЕВА.

И на-голову ихъ падетъ опмиценье!
 Безумцы слѣдуютъ за нимъ....

ЛАЕРТЪ (за сценою).

Гдѣ онъ? Король?

Прочь, прочь съ дороги!

НАРОДЪ (за сценою).

Прочь! Гдѣ, гдѣ Король?

ЛАЕРТЪ (вмывается въ двери).

Ошдай мнѣ моего отца!

КОРОЛЕВА.

Лаершъ!

Что это значить? Успокойся.

ЛАЕРТЪ.

Будь я проклятъ,
 Пусть буду я безславенъ и безчестенъ,
 Когда спокоенъ буду!

Король.

Небеспокойся, Королева. Мнѣ неспрашны,
Угрозы безразсуднаго Лаерша.
Скажи, чего ты хочешь, безразсудный?

Лаертъ.

Гдѣ мой отецъ?

Король.

Онъ умеръ.

Королева.

И въ его кончинѣ

Мы невинновы.

Король.

Чшо-же? Спрашивай, Лаертъ!

Я отвѣчаю.

Лаертъ.

Нѣтъ! коварной рѣчью

Необольспивъ меня — скажи: онъ умеръ —

Кшо былъ его убійца? Отвѣчай, иль страшно

Омщенье сына будешь!

Король.

Но за чѣмъ-же спало?

Лаертъ.

Остатокъ чесши, вѣрности отцовской,

Мой мечъ удержишь, если ты мнѣ выдашь

Убійцу моего отца!

Король.

И снова

Я узнаю Лаерша. Добрый сынъ
Буншовщикомъ, измѣнникомъ небудешь,
И мстишь невиннымъ незахочешь — нѣтъ!
Онъ только опомспивъ виновнымъ.

Лаертъ.

Да, виновнымъ!

Король.

Ты ихъ узнаешь.

Лаертъ.

Пусть они погибнушъ,

И снова кровь моя и жизнь принадлежатъ
Ошечеству и Королю!

Король.

Довольно.

Виновенъ-ли я въ смерти былъ отца,
Пусть сынъ разсудитъ, пусть увидишь онъ.

Народъ (за сценою).

Впустишь ее, вступишь!

Лаертъ.

Чшо слышу?

(входитъ *Офелія*, странно убранная со-
ломою и цѣпями).

Изсохни мозгъ мой, лейшесь мои слезы!
Сестра моя! швое безумство будешь
Заплачено злодѣю — другъ, сестра,
Офелія! Да, лучше быть безумнымъ,
Когда намъ все, что было драгоцѣнно,
Все измѣнило — счастье и любовь!

ОФЕЛІЯ (поетъ).

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
И горячія слезы кипѣли ручьемъ,
Какъ прощались они съ шарикомъ.

Прощай, голубчикъ!

ЛАЕРТЪ.

Если-бы въ полномъ умѣ шь побуждала меня
мстить — я менѣ былъ-бы подвинушъ къ опи-
щенію, нежели шеперь — сестра несчастная!

ОФЕЛІЯ.

Вы пойше между шѣмъ: «Долой, злодѣй! На
казнь, злодѣй!» Славная пѣсенка! Вы знаете?
Это о шомъ пажѣ, который похишилъ дочь
рыцаря.

ЛАЕРТЪ.

Ея безуміе лишаетъ меня ума!

ОФЕЛІЯ (перебирала цвѣты).

Вошъ розмаринъ — это воспоминаніе! Ду-
шечка, миленькій! вспомни обо мнѣ! А вошъ
незабудка — забудь меня!

ЛАЕРТЪ.

Память пережила умъ несчастной!

ОФЕЛІЯ.

Вошъ вамъ пминѣ, вошъ ногошки, вошъ ру-
ша, горькая правка — вамъ и мнѣ. Вы носите
ее только по праздникамъ — горе праздникъ
человѣку. Ахъ! вошъ и маргаришка — фіялокъ
нѣшъ — извините — всѣ завали, съ шѣхъ поръ,
какъ ошецъ мой умеръ! Да, небойшесь: вѣдь
онъ умеръ спокойно —

Радость — душечка пропала,
Какъ мила друга несшало!

ЛАЕРТЪ.

Мечша и печаль, и спрасшъ, и самое безуміе
въ ней очаровашельны!

ОФЕЛІЯ (поетъ).

Онъ нешрідешъ, онъ нешрідешъ,
Его мы больше неувидимъ.
Нѣшъ! умеръ онъ,
Похороненъ!
Его мы больше неувидимъ!

Вѣшъ вѣшерь на могилѣ,
Гдѣ зарыли шарика,
И шри изы, шри березы посадили;
Онъ плачушъ, какъ печаль моя, шоска!
Неплачѣше, неплачѣше, молишесь объ немъ.
Покой его, Боже мой! праведнымъ сномъ!

И души всѣхъ, кто умеръ... Молишесь за него и—Богъ съ вами!

(уходитъ).

ЛАЕРТЬ.

О Боже мой! уже-ли ей погибнуть?

КОРОЛЬ.

Лаерсъ! твою печаль я раздѣляю,

И ты отдашь мнѣ справедливость — удалимся,

Мнѣ надобно съ тобою говорить.

Возьми съ собой друзей, когда боишься

Коварства — пусть они судьями будутъ

Между тобой и мной, и если обвиняшь

Они меня — готовъ мою корону,

И жизнь, и все отдашь тебѣ возмездьемъ.

Но если правъ я буду — согласись

Соединить тогда свои со мною силы

На мщенье нашему врагу.

ЛАЕРТЬ.

Да будешь такъ!

Безвѣстная родимела кончина,

Его забвенный гробъ, его могила,

Безъ украшеній, памяти достойной,

И погребеніе безъ почестей приличныхъ —

Все вопіемъ о мщеньи — небо и земля

Велятъ мнѣ требовать отмщенья!

КОРОЛЬ.

И отмщенье

Я дамъ тебѣ готовъ, и на главу

Виновнаго падешь съкира казни!

Иди за мной.

(уходить всѣ, кромѣ Гораціо).

ГОРАЦІО (однѣ).

Письмо отъ Гамлета! Посмотримъ,

Что напишетъ онъ — ко мнѣ и Королю.

«Когда ты получишь это письмо, Гораціо, знай, что вскорѣ меня увидишь. Спранное обстоятельство сдѣлало то, что я не побѣхалъ въ Англію, куда безъ меня отправились Розенкранцъ и Гильденштернъ. Прилагаемое письмо отдай Королю. Я расскажу тебѣ много чудесъ.

Гамлетъ.

Что это значить? Я не постигаю!

КОРОЛЬ и ЛАЕРТЬ (возвращаются).

Теперь, ты возвращаешь-ли мнѣ дружбу,

Лаерсъ? Ты понялъ-ли, что мнѣ грозила

Такая-же опасность, и я могъ

Погибнуть вмѣстѣ своего отца?

ЛАЕРТЬ.

Я вижу, вѣрю, но еще непонимаю,

Какъ вы могли злодѣйству попустить

Быть ненаказаннымъ, когда опасность вамъ
Грозилъ гибелью....

Король.

Двѣ важныя причины,

Я объяснялъ тебѣ, Лаертъ, и повшорю:

Гамлета любишь Королева; жизнь ея

Такъ связана съ сыновней жизнью,

Что смерть его была-бъ ей приговоромъ.

Ничто ее несильно удержишь,

Ему пожертвовать другими. Онъ любимъ

Народомъ; безразсудная толпа

Могла возмстать за Гамлета, и спрѣлы

Могли произишъ шого, кто смѣлъ-бы бросишъ

Ихъ въ наказаніе виновному.

Лаертъ.

Отецъ!

И такъ швоя безславная кончина

Небудетъ ошмщена! И ты, сеспра моя,

Ты Божіе прекрасное созданье —

Погибла безъ ошмщенья.... Нѣтъ! ничто, ничто

Мой гнѣвъ неукропишь — убійцу

Я ошщу за дальними морями....

Гораціо (приближается).

Король, позвольте мнѣ — письмо Гамлета.

Король.

Письмо Гамлета? Кто принесть его?

Гораціо.

Съ кѣмъ прислано, мнѣ это неизвѣстно.

Быть можетъ, Принцъ самъ это объясняетъ.

Король.

Лаертъ! ты слышишь-ли? — Гораціо! ты можешь

Оставишь насъ.

Гораціо.

Я поспѣшу навспрѣчу Принца.

(уходитъ).

Король.

Онъ здѣсь! Но гдѣ-же посланные съ нимъ?

Мнѣ непоняшно — выслушай письмо:

« Нагой и одинокій возвращаюсь я въ королевство ошца моего, ваше и машери моей королевство. Лично буду я имѣть честь разсказашъ вамъ всѣ обстоятельства моего спраннаго возвращенія. »

Лаертъ.

Его-ли почеркъ это ?

Король.

Да, рука Гамлета.

Лаертъ! теперь совѣшуй, говори, скажи,

Что дѣлашь мнѣ? Такъ — праведному мщенью
Судьбу Гамлеша я готовъ опдашь!

ЛАЕРТЬ.

Пусть онъ придетъ, пусть явился, и смѣло
Я стану передъ нимъ, скажу ему:
«Убійца!»

КОРОЛЬ.

Только?

ЛАЕРТЬ.

Жребій пусть рѣшитъ,
Кому изъ насъ погибнуть въ битвѣ!

КОРОЛЬ.

Жребій — слѣпецъ! Но мы ему поможемъ,
И мщенье вѣрное непромахнешся,
Ударъ падетъ, куда назначенъ онъ.
Лаершъ! швоя довѣренность ко мнѣ
Необходима — замыселъ въ душѣ
Таймый — я тебѣ ошкрою!

ЛАЕРТЬ.

Вѣрьше,

Что я слѣпымъ орудьемъ вашимъ буду!

КОРОЛЬ.

Ты согласишься — судъ и казнь Гамлеша
Мнѣ невозможны. Средство есть одно:

Мы слышали, что ловкій ты боецъ,
Что въ самой Франціи немогъ ты встрѣшшишь
Соперника, достойнаго тебя.
Гамлешъ давно желалъ помѣряться съ тобой
Въ искусствѣ биться.

ЛАЕРТЬ.

Дайте мѣсто намъ,

И мечъ мой, вѣрный мой поварищъ, сыщеть
Гдѣ бьется сердце моего врага!

КОРОЛЬ.

Ты забываешь, что кровавый бой
Здѣсь невозможенъ — санъ и отношенья
Мнѣ не позволяютъ вамъ согласья дать.

ЛАЕРТЬ.

Какъ?

КОРОЛЬ.

Если-бъ я и могъ тебѣ дозволишь,
Кто знаетъ, что падетъ изъ васъ двоихъ?
И мщенье-ль будешь, казнь-ли будетъ эшотъ бой?
Любиль-ли ты ошца, скажи, Лаершъ?
Убійцѣ казнь готовъ-ли ты воздашь?

ЛАЕРТЬ.

О! палачемъ его готовъ я бышь!

Король.

Довольно!

Скрой ненависть въ присутствіи другихъ;
Пусть возвратишься Гамлетъ, я успрою
Возможность вамъ помѣряться въ бою,
Друзьями, какъ соперникамъ въ искусствѣ.
Я съ нимъ держу закладъ, прошивъ тебя,
И — онъ погибнетъ!

Лаертъ.

Какъ погибнетъ?

Король.

Да — въ смертельный ядъ
Я мечъ твой обмочу — доверчивый Гамлетъ
Проникнувши хитрости неможеть, и прикосновеньемъ
Однимъ ты смерть Гамлету нанесешь....

Лаертъ.

Убийство тайное!

Король.

Нѣтъ! не убійство — мсть,
Преступнику, который виѣ закона!
И смерть отца ты отомстишь, Лаертъ,
И жизнь мою тогда обезопасишь,
И преступленью казнь ты совершишь!

Но, шумъ? Сюда идетъ поспѣшно Королева!
Она — мать Гамлета! Лаертъ — молчанье!
Что съ тобой, Герштруда?

Королева.

Горе

За нами неопступно по слѣдамъ.
Лаертъ! твоя сестра погибла!

Лаертъ.

Какъ? Погибла!

Королева.

Погибла — утонула.

Лаертъ.

Праведное небо!

Королева.

Тамъ, гдѣ на-воды ручья склонялся, ива
Стоялъ и отражается въ водахъ,
Офелія плела вѣнки и пѣла.
Вѣнки свои ей вздумалось развѣснть
На ивѣ — гибкій обломился сукъ,
И въ воду, бѣдная, упала, и въ водѣ,
Нечувствуя опасности и смерти,
Все пѣла и вѣнки свои плела,
Пока ея одежда непромокла,
И бѣдную неповлекло на дно....

ЛАЕРТЬ.

И утонула?

КОРОЛЕВА.

Утонула, утонула!

ЛАЕРТЬ.

О бѣдная Офелія, сестра! Не плачу я —
 Боюсь, чтобы слезами нездѣлишь мнѣ
 Той злобы, пламенемъ въ груди горящей...
 Нѣтъ! слезы потекли изъ глазъ моихъ —
 Я долженъ скрыть ихъ....

(уходитъ).

КОРОЛЬ.

Поспѣшимъ, Герштруда!

Съ трудомъ я злобу укрошилъ его,

Она возникнущъ снова можетъ — поспѣшимъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Кладбище. Входятъ два могильщика, съ заступами. Одинъ начинаеть рыть могилу).

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, развѣ ее будущъ хоронить какъ порядочнаго челоуѣка, когда она самовольно оправила на шопъ свѣтъ?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Разумѣется — копай скорѣ могилу; судьи ужъ разсудили, что ее должно похоронить какъ водится.

ПЕРВЫЙ.

Да, какъ-же это, когда она утопила шѣло свое добровольно?

ВТОРОЙ.

Открылось, что невольно.

Первый.

Да, ужъ все повольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я шоплю свое шѣло—шакъ—дѣло, а дѣло дѣлаешъ—собственно дѣло, пошомъ производшво дѣла и исполненіе дѣла. Ну! какъ хочешъ — она ушопилась добровольно!

Второй.

Послушай-ка, шоварищъ,

Первый.

Погоди!—Вотъ рѣка—шакъ; шупъ человекъ—шакъ; если человекъ пошелъ къ рѣкѣ и ушопулъ—споръ онъ или неспоръ—онъ пошелъ—видишь-ли? Онъ, а не она. Вотъ если-бы она пошла, шакъ вышло-бы, что она ушопула, и выходишь, что шопъ невиноватъ въ своей смерти, кто непокушался на смерть.... А?

Второй.

Ну, а по закону?

Первый.

По закону? Ну—да, шакъ и есть—я объ законѣ—шо и говорю.

Второй.

Анъ нешакъ. Она была благородная, а пошому и хоронишся благородно.

Первый.

Какъ? Ну, да, шо-шо и жаль, что кто пошильте, шакъ ему и ушопиться-шо цешлохо. Товарищъ-засшупъ! за работу! Чортъ побери—нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію, какъ садовникъ, копачъ, да могильщикъ — у нихъ самое старинное ремесло, Адамово занятіе.

Второй.

А развѣ что старше, шо и лучше?

Первый.

Разумѣется.—Экой безполковой!

Второй.

Такъ спало оселъ лучше меня, когда онъ старше меня?

Первый.

А вотъ я шебя спрошу—ошвѣчай.

Второй.

Послушаемъ.

Первый.

Что всего прочтѣ на свѣтѣ спрошися?

Второй.

Что прочтѣ? Висѣлица — она переживаетъ всѣхъ своихъ жишелей.

Первый.

За это стоило-бы шебя самого на висѣлицу. Видишь ты, умникъ: кто худо дѣлаешь, тому хорошо идетъ висѣлица, а ты про худое говоришь хорошо, стало тебѣ надо худо. Да, ошвѣчай-ка мнѣ на вопросъ.

Второй.

На вопросъ? То-есть, что прочтѣ всего на свѣтѣ спросишь?

Первый.

Да, ошвѣчай, и только.

Второй.

Изволь — знаю. . . .

Первый.

Такъ говори.

Второй.

Пожалуй.... Право, братъ, незнаю — дай подумать.

(сходятъ Гамлетъ и Гораціо).

Первый.

Неломай головы по пусыкамъ — лѣнивому ослу палкой неприбавишь ходу. Когда шебя спросишь, что всего прочтѣ спростишь на свѣтѣ — ошвѣчай: гробъ, потому, что его спро-

сятъ человѣку на жизнь во вѣки вѣковъ. — Спущай-ка, да принеси винца.

(одинъ могильщикъ уходитъ; другой остается, роетъ могилу и поетъ):

Лихой, удалый я бывалъ,
Любилъ играть и пѣть;
Теперь и старъ и хилъ я спалъ,
Пришлось не пѣть — крихтѣть!

Гамлетъ.

Понимаешь-ли эшотъ болванъ, что онъ дѣлаешь? Рынь могилу, и — пѣнь!

Гораціо.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ его занятію.

Гамлетъ.

Правда. Когда руки заняты работою, о головѣ не думаютъ.

Могильщикъ *(поетъ)*.

Врела хрычевка съ косыльцемъ,
Нерадь — иди вспрѣчай,
И спалъ я старымъ дуракомъ,
А молодосишь прощай!

(выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ.

У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ. Какъ бросилъ его эшотъ негодай, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А можешь быть, эшотъ черепъ, который шакъ легко швыря-

юшъ шеперь — составляя голову великаго по-
лищика, или челоѣка, который думалъ пра-
вишь цѣлымъ міромъ — не правда-ли?

ГОРАЦІО.

Можетъ быть, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, который шакъ мило, шакъ
ловко умѣлъ сказать: «Здравствуйше, М. Г.,
все-ли вы въ добромъ здоровьи, М. Г.»—Можетъ
быть, это былъ знашый баринъ, охотникъ
до лошадей, и—до всего—можетъ быть?

ГОРАЦІО.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно, да, и — вошъ шеперь, добыча
г-на червяка, беззубая, разбиная заснупомъ
дурака могильщика—вошъ она, эта великая го-
лова! Славная перемѣна, достойная шого, что-
бы объ ней подумать! Неуже-ли эти черепы ни
на что болѣе негодятся, какъ для игры въ
кегли? Онъ этого прещишъ мой черепъ!

Могильщикъ (*постъ*).

Съ могиллой люди споръ ведутъ —

Вошъ шо-шо и оно!

Живи, живи, а умирашъ

Придется всѣмъ равно.

(*выкидываетъ черепъ*).

ГАМЛЕТЪ.

Еще черепъ! Почему неможетъ быть это
черепъ законоѣдца? Гдѣ шеперь его законы,
выписки, розыски, дѣла и ябеды? Какъ шершинъ
онъ шеперь обиду онъ заснупа этого негодая
и грубіяна? Чшо неподаетъ на него жалобъ?
Ха, ха, ха! можетъ быть, это былъ масперъ
пріобрѣтатъ большія имѣнія, чинишъ записи,
вводы во владѣнія, обеспечения на неуспойку.
И конецъ всѣхъ пыльных бумагъ его шонъ,
чшо черепъ его набишъ пылью, и всѣ его за-
писи ввели его во владѣніе земли недлиннѣе
двухъ листовъ пергаменна, на конорыхъ онъ
писывалъ ихъ, и изъ всѣхъ его владѣній ему
неоснавлиающъ даже и гроба, и его неоснавишъ
онъ наслѣднику!... Увы!

ГОРАЦІО.

Общая учаснь.

ГАМЛЕТЪ.

Пергаменшъ дѣлается вѣдь изъ бараньей кожи?

ГОРАЦІО.

Да, и изъ шелячьей шакже.

ГАМЛЕТЪ.

Теляшя и бараны шѣ, кшо полагаются на
прочноснь написаннаго на ихъ кожѣ! Миѣ хо-

чешся поговорить съ эшимъ могильщикомъ.
— Эй, ты, дуралей! Чья эшо могила?

Могильщикъ.

Моя.

Живи, живи, а умирашь
Придешся всѣмъ равно.

(постъ).

Гамлетъ.

Разумѣеся, своя, пошому, что ты ее роешь.
Да кто въ ней будешь?

Могильщикъ.

Не вы, сударь, эшо вы видите, пошому, что
вы не въ могилѣ, да и не я, хошь я и въ мо-
гилѣ.

Гамлетъ.

Некопай глупостей изъ могилы, пріямель!

Могильщикъ.

О, я некопаю, а закапываю ихъ.

Гамлетъ.

Скажи, для какого человѣка эша могила?

Могильщикъ.

Не для человѣка, сударь, она.

Гамлетъ.

Ну, такъ для женщины?

Могильщикъ.

И не для женщины.

Гамлетъ.

Да, кого-жъ схороняешь тутъ?

Могильщикъ.

Того, кто была женщина, а теперь ни шо,
ни сѣ.

Гамлетъ.

Каковъ удалецъ! Съ нимъ нескоро дороешь-
ся полку. Право, Гораціо, свѣтъ поумнѣлъ, такъ,
что теперь мужикъ спускаетъ на ногу дворя-
нину и извиняется недумаешь! Давно-ли ты
могильщикомъ?

Могильщикъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ покойный Король нашъ
побѣдилъ Форшинбраса.

Гамлетъ.

А давно-ли эшо было?

Могильщикъ.

Будто вы не знаете? И дуракъ вамъ скажетъ,
что въ этотъ годъ родился принцъ Гамлетъ,
вошь что теперь сдѣлался дуракомъ и посланъ
въ Англію.

Гамлетъ.

А для чего-же его послали въ Англію?

Могильщикъ.

Для чего? Для того, что онъ дуракъ, и шамъ поумнѣешь, а если и непоумнѣешь, шамъ велика бѣда.

Гамлетъ.

Почему-же?

Могильщикъ.

Потому, что между дураками однимъ больше или меньше, все равно.

Гамлетъ.

Какъ-же это онъ сдѣлался дуракомъ?

Могильщикъ.

Очень чудно, говоряшъ.

Гамлетъ.

Очень чудно?

Могильщикъ.

Да, чудно. Пошерялъ то, чего у него небыло.

Гамлетъ.

Но, на чемъ-же онъ помѣшался?

Могильщикъ.

Вѣроятно, на землѣ, на кошорой мнѣ суждено рыть могилы, а ему бышь дуракомъ.

Гамлетъ.

Во сколько времени человекъ сгниваетъ въ могилѣ?

Могильщикъ.

Если неподгнилъ немножко живой, шамъ лѣтъ въ восемь, или девашъ. Кожевникъ, вѣрно, пролежитъ девашъ.

Гамлетъ.

Почему-же кожевникъ долѣе другихъ?

Могильщикъ.

Потому, что его кожа выдѣляется заживо и не боится воды, а вода хуже всего поршитъ эшихъ дураковъ мершвыхъ. Вотъ черепъ, кошорый пролежалъ въ землѣ лѣтъ двадцашъ.

Гамлетъ.

А чей это?

Могильщикъ.

Одного шалуна. Ну, чей-бы вы думали?

Гамлетъ.

Право, незнаю.

Могильщикъ.

Чорнъ его побери, негодя! Онъ облилъ меня виномъ однажды. Это черепъ Юрика, бывшаго шуа королевскаго.

ГАМЛЕТЪ.

Эшошъ?

(береть черепъ).

Могильщикъ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Ахъ! бѣдный Горику! — Зналъ я его, Гораціо: эшо былъ весельчакъ и умница. Сколько разъ нашивалъ онъ меня на рукахъ, а шеперь какой ошврашительный видъ! Тупъ были губы, которыя цѣловали меня. Гдѣ шеперь швои шуточки, швои острошы, швои пѣсенки, все, что шакъ громко засшавляло хохоташъ другихъ? Неуже-ли неосшалось ни одной, хошъ посмѣшшся надъ самимъ собою, какую глупую рожу шы дѣлаешъ? Ни слова? Чшо непойдешъ-ли шы расхвалишъ какую нибудь красавицу? Разсмѣшшть ее?—Послушай, Гораціо —

ГОРАЦІО.

Чшо угодно, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Неуже-ли и голова Александра Македонскаго шеперь шакая-же?

ГОРАЦІО.

Да, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И шакже пахнешъ могилой? Пфуй!

(бросаетъ черепъ).

ГОРАЦІО.

Также, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И до чего можемъ мы унизшться, Гораціо! И почему благородному праху Александра Македонскаго небышъ замазкой какой нибудь хижины?

ГОРАЦІО.

Эшо, кажешся, невѣрояшно.

ГАМЛЕТЪ.

Чшо-же шунъ невѣрояшнаго? Почему не разсуждашъ шакъ: онъ умеръ, онъ погребенъ, онъ сдѣлался прахомъ — прахъ земля — земля глина—глина упошребляешся на замазку сѣтнъ.

Великодѣнный Цезарь нынѣ прахъ и шлѣнъ,

И на поправку онъ испраченъ сѣтнъ.

Живая глина землю пошрасала,

А мершвая замазкой печи спсала!

Но, пише, пише! Вошъ Король!

(Несутъ гробъ Офеліи. ЛАЕРТЪ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА и СВИТА КОРОЛЕВСКАЯ).

Король и Королева, Дворъ — что это значишь?

Лаертъ, и такъ печалень?

(гробъ опускаютъ въ могилу).

ЛАЕРТЪ.

Миръ тебѣ, сестра!

Да разцвѣтушь цвѣты, и да украсяшь

Твой холмъ могильный!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Офелія? Что слышу!

КОРОЛЕВА.

Прости, Офелія! Мечтала прежде я,
Что счастье моему Гамлету ты составишь;
Тебѣ къ вѣнцу готовила цвѣты,
И ихъ на гробъ печальный швой бросаю!

ЛАЕРТЪ.

Проклятіе, проклятіе убійцѣ!
Незарывайше гроба — дайше насмотрѣться —
Засыпьте и меня съ моею сестрою!

ГАМЛЕТЪ *(приближается).*

Кто хнычетъ шумъ? Кто смѣетъ плакать?

ЛАЕРТЪ *(бросаясь на него).*

Будь проклять ты, убійца!

ГАМЛЕТЪ.

Тише, тише!

Зачѣмъ загорло схватываешь меня?

Борешься не тебѣ со мной, пріятель!

КОРОЛЬ.

Остановите ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я неуступлю ему, пока я живъ!

Онъ хочешь удивить меня печалью —

Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ

Любимъ немогушь!

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего ты хочешь! Плакаешь, драшься, умираешь,

Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!

Да, я на все готовъ, на все, на все —

Получше брата я ее любилъ....

(онъ уходитъ неслышно).

Король.

Послѣдуйте за нимъ — онъ помѣшался.
 Неплачь, Герштруда! — Мы еще увидимъ
 Дни счастья.... Помнишь-ли нашъ разговоръ, Лаерть?
 Теперь его исполнишь время будешь.

(все уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Зала во дворцѣ).

ГАМЛЕТЪ и ГОРАЦІО.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я ихъ обманулъ, Гораціо, я отвратилъ гибель,
 И обратилъ ее на голову злодѣевъ.
 Безумцемъ притворяясь, было мнѣ легко
 Похитить граматы, ихъ прочитавъ, поддѣлавъ.
 По счастью, у меня была печаль
 Отца покойнаго; печалью этой
 Я запечаталъ — хочешь-ли ты знать,
 Что было въ граматахъ?

ГОРАЦІО.

Принцъ, я желалъ-бы....

ГАМЛЕТЪ.

Приказъ — казнишь меня немедленно! Недивись,
 Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцу съ Гильден-
 штерномъ,

Я написалъ взаимно ихъ казнишь,
 Едва они достигнутъ Англійской земли.
 Пускай они увидятъ, какъ опасно
 Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый
 Бой начался межъ сильными людьми!

ГОРАЦІО.

Онъ не Король — злодѣй!

ГАМЛЕТЪ.

Съ нимъ рѣшено теперь —

Убийца моего отца, престоломъ хищникъ,
 И матери моей безчестный соблазнитель,
 Коварно умышлявшій погубить меня,
 Погибнуть долженъ — совѣсь мнѣ велишь
 Казнить злодѣя — преступленіе будешь
 Его оставивъ на позоръ земли.

ГОРАЦІО.

Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ не успѣетъ разгадать — его минуши
 Изчтены. — Но совѣсью теперь тревожусь я

За оскорбленіе Лаерта — я забылся,
Я долженъ былъ печаль его уважить —
Его судьба моей судьбѣ подобна....

ГОРАЦІО.

Сюда идущъ. Принцъ! Тише, ради Бога!

ОСРИКЪ (выходитъ).

Свѣтлѣйшій Принцъ! мое низжайшее поздравленіе съ возвращеніемъ въ Данію.

ГАМЛЕТЪ.

Усердно благодарю. — Ты знаешь-ли этого жука, Гораціо?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, Принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣмъ лучше для тебя — спыдно знать его. Онъ богачъ, да пусть скопина владѣетъ скопами, и вмѣсто конюшни ходишь за королевскій столъ — а между тѣмъ у этого попуга много въ обладаніи грязи, что люди называютъ землею.

ОСРИКЪ.

Свѣтлѣйшій Принцъ! если имѣете досугъ выслушать, что я буду имѣть честь сообщить.

ГАМЛЕТЪ.

Со всевозможною охотою. Да, употребите шляпу вашу для шого, на что она сдѣлана — надѣньте ее на голову.

ОСРИКЪ.

Всепокорнѣйше благодарю — тепло!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, очень холодно. Въперъ онъ сѣвера.

ОСРИКЪ.

Да, Принцъ — ужасный холодъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, буря и жарко — мнѣ такъ кажется!

ОСРИКЪ.

Чрезвычайно, Принцъ — такой въперъ, такой жаръ, что сказать нельзя! Принцъ — Король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ —

ГАМЛЕТЪ.

Да, надѣньте-же вашу шляпу.

ОСРИКЪ.

Повѣрьте, Принцъ, что мнѣ такъ лучше, и вы слишкомъ добры. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, что Лаертъ возвратился изъ

Франціи, и клянусь, что это совершенство молодыхъ людей, полноша опличнейшихъ качествъ, красавецъ, ловкій — испинно, говоря безъ лести, образецъ, компань юношамъ, потому что въ немъ находише все, что только составляетъ совершенство молодыхъ госнодь!

Гамлетъ.

Онъ ничего неперяетъ въ вашемъ изображеніи, хотя я увѣренъ, что никакой Ариеменики недоспанетъ исчисливъ всѣ его доспонишва. Безъ всякой лести сказать — только зеркало можетъ изобразить его похоже на него, а все другое выразитъ только тѣнь его!

Осрикъ.

Вы говорише сущую правду, Принцъ!

Гамлетъ.

Положимъ, что такъ. Но для чего-же мы наряжаемъ его въ наши похвалы?

Осрикъ.

То-есть?

Горацио.

То-есть, не лъзя-ли какъ нибудь говорить иначе?

Гамлетъ.

И объяснишь, для чего мы говоримъ.

Осрикъ.

О Лаершъ?

Гамлетъ.

Да. Мнѣ очень извѣстно, что кошелекъ вашего краснорѣчія неистощимо набитъ червонцами, но разбитыише ихъ на проспую монету.

Осрикъ.

Принцъ! вамъ, конечно, извѣстно должно бытъ...

Гамлетъ.

Оспавимъ — что мнѣ извѣстно, или неизвѣстно — въ чемъ дѣло?

Осрикъ.

Вамъ, конечно, извѣстно должно бытъ, Принцъ, что Лаершъ превосходитсвуешъ....

Гамлетъ.

Да, почему мнѣ знатъ его превосходство, сдѣлайше милость?

Осрикъ.

Я хотѣлъ только сказать, что онъ превосходитсвуешъ въ искусствѣ битьсѣ на шпагахъ и сабляхъ.

Гамлетъ.

Что-жъ изъ этого?

Осрикъ.

Королю угодно было удариться съ нимъ объ закладъ — шесть превосходныхъ коней со спороны Его Величества, и шесть чудныхъ, драгоценныхъ кинжаловъ и шесть шпагъ со спороны Лаерша, что изъ двѣнадцати разъ онъ недасъ вамъ шрехъ ударовъ, а онъ бился, что изъ девяти дасъ вамъ шри. — Споръ такъ горячо начался, что Король прислалъ меня узнать: угодно-ли, и когда вамъ угодно назначить время для испытанія?

Гамлетъ *(злдумчиво)*.

А если я несоглашусь?

Осрикъ.

Закладъ останется шакъ.

Гамлетъ.

За чѣмъ ему такъ оспавашься. Скажите Королю, что я согласенъ. Пусть принесутъ рапиры, и я постараюсь выиграть Его Величеству шесть шпагъ и шесть кинжаловъ.

Осрикъ.

Такъ прикажете мнѣ сказать?

Гамлетъ.

Да, разумѣется — только украсьте смыслъ двѣтми вашего краснорѣчія.

Осрикъ.

И вамъ угодно, Принцъ, прислушиваясь къ рѣшенію немедленно?

Гамлетъ.

Хотъ сію минушу.

Осрикъ.

Король, Королева и весь Дворъ посидѣвшъ на зрѣлище — столь увлекательное.

Гамлетъ.

Очень радъ.

Осрикъ.

Ея Величество проситъ васъ, прежде всего, сказать Лаершу нѣсколько примирительныхъ словъ.

Гамлетъ.

И это исполню.

Осрикъ.

Препоручаю себя вашему вниманію. *(уходитъ)*.

Гораціо.

Принцъ! я боюсь — вы проиграете закладъ.

Гамлетъ.

Недумаю. Владѣть шпагою могу я порядочно. Но, Гораціо.... Ты неможешь себя вообра-

зипь.... Мыѣ шакъ грустно, шакъ грустно.... Да, осшавимъ эшо.

ГОРАЦІО.

Для чего-же, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Эшо вздоръ. Только женщину могутъ пугать предчувствія.

ГОРАЦІО.

Если душа ваша что нибудь вамъ подсказываетъ, презирайте эшимъ увѣдомленіемъ души. Я пойду извѣстить, что вы шеперь не расположены.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! эшо глупость. Презримъ всякія предчувствія. Безъ воли Провидѣнія и воробей не погибнетъ. Чему бышь сегодня, шого nebudeтъ пошомъ. Чему бышь пошомъ, шого nebudeтъ сегодня — не шеперь, шому бышь шакъ послѣ. Бышь всегда гошову — вопъ все! Если никто не знаетъ шого, что съ нимъ будетъ — осшавимъ всему бышь шакъ, какъ ему бышь назначено.

(онъ задумывается).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЕРТЬ, ОСРИКЪ, ПРИДВОРНЫЕ, ПРИДВОРНЫЯ, СТРАЖА.

(Горжественный маршъ).

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! дай руку — я ее Лаерту передамъ.
(онъ складываетъ руки Лаерта и Гамлета).

ГАМЛЕТЪ.

Лаертъ! рука моя и просьба о прощеньи.
Не я, безуміе мое причиной было,
Что Гамлетъ оскорбилъ Лаерта. Все равно,
Какъ-бы нечаянно стрѣлой сразилъ я друга,
Такъ оскорбилъ и я себя....

ЛАЕРТЬ.

Довольно, Принцъ.

Пусть насъ разсудяшь, пусть рѣшаешь обиду,
Но я гошовъ забыть ее, и здѣсь
Встрѣчаю я привѣшомъ дружбы и почшенья
Готовность вашу прекратишь вражду.

ГАМЛЕТЪ.

Довольно. Дайте намъ рапиры — я гошовъ.

ЛАЕРТЬ.

И я.

ГАМЛЕТЪ.

Я чучелой тебѣ согласенъ быть.
Моя неловкость, при швомъ искусствѣ,
Побѣду вѣрную тебѣ даешь.

ЛАЕРТЪ.

Вы насмѣхаетесь —

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЬ.

Дайте имъ рапиры.

Закладъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да.

Вы проиграете — и это мнѣ извѣстно.

(Они выбираютъ рапиры).

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! Я приказалъ, чтобы швою побѣду
Громъ пушекъ возвѣщалъ, и каждый разъ
Я буду пить швое здоровье. Кубки здѣсь
Поспавъше. Въ каждый кубокъ я бросаю
Жемчужины, какихъ дороже нѣтъ у насъ
Въ сокровищницѣ королевской. Начинайте!

(Кубки ставятъ на столъ. Во одно изъ нихъ Король сыплетъ лѣ).

ГАМЛЕТЪ.

Гошовой-ли?

(Беретъ одну рапиру и обращается къ Королю. Лаетъ подмываетъ другую рапиру).

КОРОЛЬ.

Внимательнѣе наблюдайте за ударомъ,
И доноситѣ мнѣ немедленно. Надежда
Насъ необманетъ на успѣхъ.

*(Гамлетъ и Лаетъ бьются).*ГАМЛЕТЪ *(остановившись).*

Ударь!

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Судьи! говорише!

ОСРИКЪ и ДРУГІЕ.

Ударь, ударь безспорно!

ЛАЕРТЪ.

Пусть шакъ будетъ — продолжимъ!

КОРОЛЬ.

Остановившись!

Я пью здоровье Гамлета!

(трубы и пушечные выстрѣлы).
Бери свой кубокъ, Гамлетъ!
(онъ подаетъ ему кубокъ).

ГАМЛЕТЪ.

Нѣшъ! прежде кончимъ дѣло.

(Сражаются. Король ставитъ кубокъ на столъ).

Ударъ еще!

ЛАЕРТЪ.

Признаюсь!

КОРОЛЬ.

Побѣда, Гамлешъ!

КОРОЛЕВА.

За швое здоровье,

Мой сынъ, я выпью!

(беретъ кубокъ).

КОРОЛЬ.

Нѣшъ! непей, Герштруда! ..

КОРОЛЕВА.

Здоровье Гамлеша!

*(пьетъ).*КОРОЛЬ *(съ сторону).*

Она погибла! Въ кубкѣ ядь!

КОРОЛЕВА.

Раздѣлимъ кубокъ, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣшъ! благодарю

Сперва окончимъ споръ.

ЛАЕРТЪ.

Ударъ Гамлешу!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣшъ!

(бьются сильно).

Мнѣ кажешся, ты шунишь,

Лаертъ — играешь, а небьешься!

ЛАЕРТЪ.

Я шучу?

Увидимъ!

(онъ ранитъ Гамлета).

ГОРАЦІО.

Чшó эшо? Принцъ раненъ!

(Гамлетъ выбиваетъ рапиру у Лаерта и бросаетъ свою. Лаертъ, въ бѣшенствѣ, схватываетъ его рапиру. Гамлетъ беретъ Лаертову. Бьются).

КОРОЛЬ.

Сшойше!

Довольно — разнимите ихъ!

(Королева лишается чувствъ).

ОСРИКЪ.

Чшо съ Королевой?

КОРОЛЬ.

Она конечно испугалась!

ЛАЕРТЬ.

Что эшо? Я раненъ —

Гамлешъ моей рапирой бился — я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ).

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! ты испугалась за меня!

КОРОЛЕВА.

Нѣшь! ядъ,

Ядъ въ кубкѣ былъ — ядъ — о мой милый сынъ!

(умираетъ).

ГАМЛЕТЪ.

Злодѣйство! Заприше двери! Никого невыпускашь,
Искашь злодѣя!ЛАЕРТЬ *(падаетъ)*.

Онъ передъ шобою,

Гамлешъ! Ты раненъ на смершь —

Ядъ въ швоей крови — я умираю за измѣну —

Рапира — была — оправлена — въ швоихъ рукахъ

Орудіе погибели обоихъ —

Тебя и Королеву погубилъ —

Король — Король...

ГАМЛЕТЪ.

Ядъ! на рабошу!

(колетъ Короля).

КОРОЛЬ.

Помогите!

ОСРИКЪ и ДРУГІЕ.

Измѣна!

ГАМЛЕТЪ.

Что — скажи: каковъ мой кубокъ,

Убійца, оправитель? Пей мою погибель!

(Король падаетъ и умираетъ).

ЛАЕРТЬ.

Онъ заслужилъ погибель — онъ насъ погубилъ!

Прости мнѣ, Гамлешъ, смершь швою, прости,

Какъ я шебѣ прощаю смершь отца!

(умираетъ).

ГАМЛЕТЪ.

Усни спокойно! — Смершь! такъ, вопъ она,

Гораціо?... А вы, свидѣтели злодѣйства,

Вы, блѣдные, трепещущіе люди!

Когда-бы смершь языкъ мой невязала,

Я вамъ сказала-бы.... Смершь неумолима!

Гораціо! ты оправдаешъ предъ людьми меня...

ГОРАЦИО.

Нѣшь! въ кубкѣ есть осшашокъ — онъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Гораціо, ты долженъ жишь,
 Ты долженъ оправдать Гамлета имя!
 Ты имъ расскажешь спрашныя дѣла,
 Ты имя Гамлета спасешь отъ поношенья....

(слышится маршъ).

А! эшо возвращенье Фортинбраса —
 Судьба ему передаетъ вѣнецъ —
 Гораціо! ты все ему расскажешь —

(умираетъ).

ГОРАЦІО.

И разорвалось доблестное сердце!
 Примите, ангелы, въ блаженство ваше
 Его, достойнаго блаженной жизни!

ФОРТИНБРАСЪ *(входитъ)*.

Какое зрѣлище! Какой кровавый пиръ!
 Смерть шоржесшвуетъ спрашную побѣду....

ГОРАЦІО.

Привѣтъ мой Принцу. Я опчешъ опдамъ тебѣ
 Въ дѣлахъ неслыханныхъ, кровавыхъ, спрашныхъ,
 Въ погибели виновныхъ и невинныхъ,
 Судьбы рѣшеніяхъ, для насъ непоспимыхъ,
 И голосъ я передаю тебѣ Гамлета,
 Которымъ онъ тебѣ вѣнецъ свой опдаетъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Прискорбный даръ умершаго приѣмаю.
 Слезамъ память Гамлета почтимъ,
 И почешъ воздадимъ умершимъ погребеньемъ.
(Слышна упылая музыка).

К О Н Е Ц Ъ.